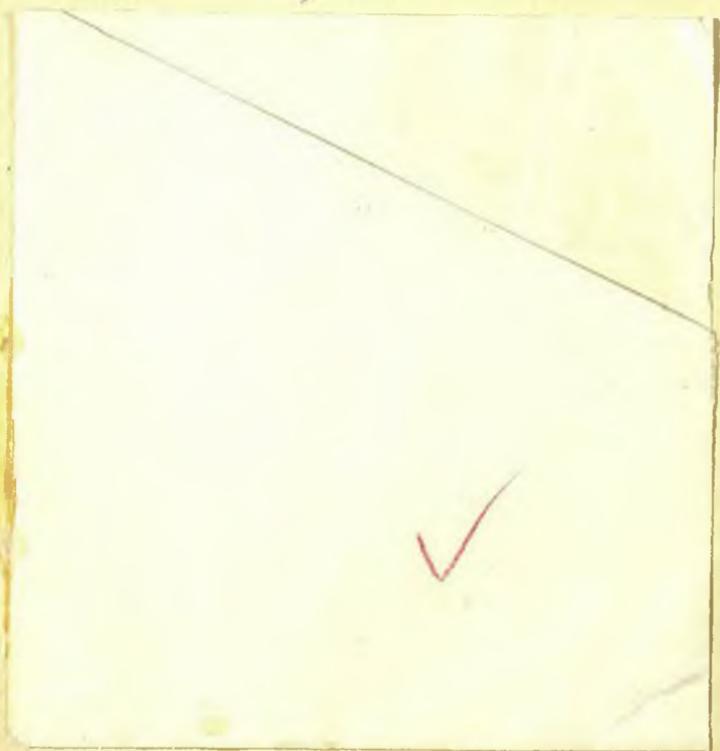

XIV $\frac{35}{11}$

1862

n 7-12

XIV $\frac{35}{11}$

ЯСНАЯ ПОЛЯНА

ШКОЛА

ЖУРНАЛЬ ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Гр. Л. Н. Толстымъ.

Glaubst zu schieben und wirst geschoben.

1862.

І Ю Л Ъ.

МОСКВА.

Типографія Каткова и К^о.

АНТОН РАНОР

ШКОЛА

ДЛЯ ПЕДАГОГОВ

ИЗДАНИЕ

В. А. ШКОЛА

1862

МОСКВА

Одобрено цензурой в Москвѣ, 20 сентября 1862 г.

МОСКВА

Въздвигательская типография

ВОСПИТАНІЕ И ОБРАЗОВАНІЕ (*).

Есть много словъ не имѣющихъ точнаго опредѣленія, смѣшиваемыхъ одно съ другимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ необходимыхъ для передачи мыслей, — таковы слова — воспитаніе, образованіе, и даже обученіе.

Педагоги иногда не признаютъ различія между образованіемъ и воспитаніемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ не въ состояніи выразить своихъ мыслей иначе какъ употребляя слова — образованіе, воспитаніе,

(*) Въ послѣднихъ нумерахъ журналовъ: «Время, Библіотека для чтенія, Воспитаніе и Современникъ» были статьи объ «Ясной Полянѣ». На дняхъ прочелъ я статью въ Русскомъ Вѣстникѣ, весьма сильно затрогивающую меня во многихъ отношеніяхъ, и на которую предполагаю отвѣчать особо.

Повторю еще разъ сказанное мною въ 1-мъ номерѣ: я боюсь полемики, вглядывающей въ личное и недоброжелательное пустословіе, какъ статья Современника, ищу и дорожу той полемикой, которая вызываетъ на объясненія недосказаннаго и на уступки въ преувеличенности и односторонности. Я прошу отъ критики не голословныхъ похвалъ, основанныхъ на личномъ воззрѣніи и доказывающихъ симпатію лица къ лицу или склада мыслей къ складу мыслей, глаженія по головкѣ за то, что дитя занимается дѣломъ и хорошо старается, не голословныхъ порицаній съ извѣстнымъ пріемомъ выписокъ съ вопросительными и восклицательными знаками, доказывающими только личную антипатію, я прошу только или презрительнаго молчанія, или добросовѣстнаго опроверженія *всѣхъ* моихъ основныхъ положеній и выводовъ. Я говорю это въ особенности потому, что 2-хъ лѣтняя дѣятельность моя довела меня до результатовъ, столь противоположныхъ общепринятымъ, что не можетъ быть ничего легче подтруниванія, съ помощію вопросительныхъ знаковъ и притворнаго недоумѣнія, надъ сдѣланными мною выводами. Другая моя просьба къ будущимъ моимъ критикамъ состоитъ въ томъ, чтобы *соглашаться или не соглашаться со мною.*

обучение или преподавание. Необходимо должны быть раздельные понятия, соответствующія этимъ словамъ. Можетъ быть, есть причины почему мы инстинктивно не хотимъ употреблять эти понятия въ точномъ и настоящемъ ихъ смыслѣ; но понятия эти существуютъ и имѣютъ право существовать отдѣльно. Въ Германіи существуетъ ясное подразделение понятии — *Erziehung* (воспитание) и *Unterricht* (преподавание). Признано, что воспитание включаетъ въ себя преподавание, что преподавание есть одно изъ главныхъ средствъ воспитанія, что всякое преподавание носитъ въ себѣ воспитательный элементъ, *erziehliges Element*. Понятіе-же — образование, *Bildung*, смѣшивается либо съ воспитаніемъ, либо съ преподаваніемъ. Нѣмецкое опредѣленіе, самое общее, будетъ слѣдующее: воспитаніе есть образование наилучшихъ людей, сообразно съ выработаннымъ извѣстной эпохой идеаломъ человѣческаго совершенства. Преподавание, вносящее нравственное развитіе, есть хотя и не исключительное средство къ достиженію цѣли, но одно изъ главныхъ средствъ къ достиженію ея, въ числѣ которыхъ, кромѣ преподаванія, есть постановленіе воспитываемаго въ извѣстныя,

---

Большинство мнѣній, выраженныхъ до сихъ поръ объ Я. П., похоже на слѣдующее: «свобода воспитанія полезна, нельзя отрицать этого, но выводы, до которыхъ доходитъ Я. П., крайни и односторонни.»

Мнѣ кажется, мало сказать — это крайность, надо указать причину, доведшую до крайности. Выводы мои основываются не на одной теоріи, а на теоріи и на фактахъ. Въ обоихъ отношеніяхъ я прошу только одного: или полноты и серьезности презрѣнія, или полноты и серьезности согласія или возраженія. Изъ всѣхъ мыслей и недоумѣній, выраженныхъ въ 1-хъ статьяхъ объ Я. П., болѣе всѣхъ требующихъ объясненій, показались мнѣ мысли въ статьѣ журнала для Воспитанія. Въ ней особенно поразили меня двѣ мысли. Одна замѣчательная мысль относится къ значенію литературнаго языка, какъ явленія не нормальнаго и случайнаго. Объ этомъ вопросѣ поговоримъ впоследствии. Теперь же займемся исключительно разъясненіемъ тѣхъ вопросовъ о правѣ вмѣшательства школы въ дѣло воспитанія, которые рецензентъ ставитъ слѣдующимъ образомъ:

«Ожидая дальнѣйшихъ результатовъ отъ полной свободы ученія, предоставленной ученикамъ яснополянской школы, мы не можемъ, однако, не обратить вниманіе на слѣдующее: чѣмъ же должна быть школа, если она не должна вмѣшиваться въ дѣло воспитанія? И что значить это не вмѣшательство школы въ дѣло воспитанія? Ужели можно отдѣлять воспитаніе отъ ученія, особенно первоначальнаго, когда воспитательный элементъ вносится въ молодые умы даже и въ высшихъ школахъ?»

выгодныя для цѣли воспитанія, условія, — дисциплина и насиліе, Zucht.

Духъ человѣческіи, говорятъ нѣмцы, долженъ быть выломанъ, какъ тѣло гимнастикой. Der Geist muss gezüchtigt werden.

Образованіе, Bildung, въ Германіи въ обществѣ и даже иногда въ педагогической литературѣ, какъ сказано, или смѣшивается съ преподаваніемъ и воспитаніемъ, или признается явленіемъ общественнымъ, до котораго нѣтъ дѣла педагогикѣ. Во французскомъ языкѣ я даже не знаю слова, соотвѣтствующаго понятію—образованіе: education, instruction, civilisation, совершенно другія понятія. Точно также и въ англійскомъ нѣтъ слова, соотвѣтствующаго понятію—образованіе.

Германскіе педагоги — практики иногда даже вовсе не признаютъ подраздѣленія воспитанія и образованія: то и другое сливается въ ихъ понятіи въ одно цѣлое, нераздѣльное. Бесѣдуя съ знаменитымъ Дистервегомъ, я навелъ его на вопросъ объ образованіи, воспитаніи и преподаваніи. Дистервегъ съ злою ироніею отозвался о людяхъ, подраздѣляющихъ то и другое, — въ его понятіяхъ то и другое сливается. А вмѣстѣ съ тѣмъ мы говорили о *воспитаніи*, *преподаваніи* и *образованіи*, и ясно понимали другъ друга. Онъ самъ сказалъ, что *образованіе* носитъ въ себѣ элементъ *воспитательный*, который за ключается въ каждомъ преподаваніи.

Что же значать эти слова, какъ они понимаются и какъ должны быть понимаемы?

Я не буду повторять тѣхъ споровъ и бесѣдъ, которые имѣлъ съ педагогами объ этомъ предметѣ, ни выписывать изъ книгъ тѣхъ противорѣчащихъ мнѣній, которыя живутъ въ литературѣ о томъ же предметѣ, — это было бы слишкомъ длинно и каждый, прочтя первую педагогическую статью, можетъ проверить истину моихъ словъ; а здѣсь постараюсь объяснить происхожденіе этихъ понятій, ихъ различіе и причины неясности ихъ пониманія.

Въ понятіи педагоговъ воспитаніе включаетъ въ себя преподаваніе.

Такъ называемая наука педагогика занимается только воспитаніемъ и смотритъ на образовывающагося человѣка, какъ на

существо совершенно подчиненное воспитателю. Только через его посредство, образующийся получает образовательныя или воспитательныя впечатлѣнія, будутъ ли эти впечатлѣнія книги, разказы, требованія запоминанія, художественныя или тѣлесныя упражненія. Весь внѣшній міръ допускается къ воздѣйствію на ученика только на столько, на сколько воспитатель находитъ это удобнымъ. Воспитатель старается окружить своего питомца непроницаемой стѣной отъ вліянія міра, и только сквозь свою научную школьно-воспитательную воронку пропускаетъ то, что считаетъ полезнымъ. Я не говорю о томъ, что дѣлалось или что дѣлается у, такъ называемыхъ, отсталыхъ людей, я не воюю съ мельницами, я говорю о томъ, какъ понимается и прилагается воспитаніе у, такъ называемыхъ, самыхъ лучшихъ передовыхъ воспитателей. Вездѣ вліяніе жизни отстранено отъ заботъ педагога, вездѣ школа обстроена кругомъ китайской стѣной книжной мудрости, сквозь которую пропускается жизненное образовательное вліяніе только на столько, на сколько это нравится воспитателямъ. Вліяніе жизни не признается. Такъ смотритъ наука-педагогика, потому что признаетъ за собой право знать, что нужно для образованія наилучшаго человѣка и считаетъ возможнымъ устранить отъ воспитанника всякое внѣвоспитательное вліяніе; такъ поступаетъ и практика воспитанія.

На основаніи такого взгляда, естественно смѣшивается воспитаніе и образованіе, ибо признается, что не будь воспитанія, не было бы и образованія. Въ послѣднее же время, когда смутно начала сознаться потребность свободы образованія, лучшіе педагоги пришли къ убѣжденію, что преподаваніе есть единственное средство воспитанія, но преподаваніе принудительное, обязательное, и потому стали смѣшивать всѣ три понятія—воспитаніе, образованіе и обученіе.

По понятіямъ педагога—теоретика, воспитаніе есть дѣйствіе одного человѣка на другаго и включаетъ въ себя три дѣйствія: 1) нравственное или насильственное вліяніе воспитателя,—образъ жизни, наказанія; 2) обученіе и преподаваніе и 3) руководеніе жизненными вліяніями на воспитываемаго. Ошибка и смѣшеніе понятій, по нашему убѣжденію, происходитъ отъ

того, что педагогика принимает своимъ предметомъ воспитаніе, а не образованіе, и не видитъ невозможности для воспитателя предвидѣть, соразмѣрить и опредѣлить всѣ вліянія жизни. Каждый педагогъ соглашается, что жизнь вноситъ свое вліяніе и до школы, и послѣ школы, и не смотря на все стараніе устранить ее, и во время школы. Вліяніе это такъ сильно, что большею частью уничтожается все вліяніе школьнаго воспитанія; но педагогъ видитъ въ этомъ только недостаточность развитія науки и искусства педагогики, и все-таки признаетъ своей задачей воспитаніе людей по извѣстному образцу, а не образованіе, т. е. изученіе путей, посредствомъ которыхъ образуются люди и содѣйствіе этому свободному образованію. Я соглашаюсь, что Unterricht, ученіе, преподаваніе, есть часть Erziehung, воспитанія, но образованіе включаетъ въ себя то и другое.

Воспитаніе не есть предметъ педагогики, но одно изъ явленій, на которое педагогика не можетъ не обратить вниманія; предметомъ же педагогики должно и можетъ быть только образованіе. Образованіе въ обширномъ смыслѣ, по нашему убѣжденію, составляетъ совокупность всѣхъ тѣхъ вліяній, которыя развиваютъ человѣка, даютъ ему болѣе обширное міросозерцаніе, даютъ ему новыя свѣдѣнія. Дѣтскія игры, страданія, наказанія родителей, книги, работы, ученіе насильственное и свободное, искусства, науки, жизнь—все образовываетъ.

Образованіе вообще понимается или какъ послѣдствіе всѣхъ тѣхъ вліяній, которыя жизнь оказываетъ на человѣка (въ смыслѣ образованіе человѣка, мы говоримъ образованный человѣкъ), или какъ самое вліяніе на человѣка всѣхъ жизненныхъ условій (въ смыслѣ образованіе нѣмца, русскаго мужика, барина, мы говоримъ человѣкъ получилъ плохое образованіе или хорошее и т. п.). Только съ этимъ послѣднимъ мы имѣемъ дѣло. Воспитаніе есть воздѣйствіе одного человѣка на другаго съ цѣлью заставить воспитываемаго усвоить извѣстныя нравственныя привычки (мы говоримъ — они его воспитали лицемѣромъ, разбойникомъ или добрымъ человѣкомъ. Спартанцы воспитывали мужественныхъ людей, французы воспитываютъ одностороннихъ и самодовольныхъ). Преподаваніе есть передача свѣдѣній одного

человѣка другому (преподавать можно шахматную игру, исторію, сапожное мастерство). Ученіе, отгѣнокъ преподаванія, есть воздѣйствіе одного человѣка на другаго съ цѣлью заставить ученика усвоить извѣстныя физическія привычки (учить пѣть, плотничать, танцовать, грести веслами, говорить наизусть). Преподаваніе и ученіе суть средства образованія, когда они свободны, и средства воспитанія, когда ученіе насильственно и когда преподаваніе исключительно, т. е. преподаются только тѣ предметы, которые воспитатель считаетъ нужными. Истина ясна и инстинктивно скѣзывается каждому. Сколько бы мы не старались сливать раздѣльное и подраздѣлять нераздѣлимое, и поддѣлывать мысль подъ порядокъ существующихъ вещей — истина очевидна.

Воспитаніе есть принудительное, насильственное воздѣйствіе одного лица на другое съ цѣлью образованіе такого человѣка, который намъ кажется хорошимъ; а образованіе есть свободное отношеніе людей, имѣющее своимъ основаніемъ потребность одного приобрѣтать свѣдѣнія, а другаго—сообщать уже приобрѣтенное имъ. Преподаваніе, *Unterricht*, есть средство какъ образованія, такъ и воспитанія. Различіе воспитанія отъ образованія только въ насиліи, право на которое признаетъ за собою воспитаніе. Воспитаніе есть образованіе насильственное. Образованіе свободно.

Воспитаніе, французское *education*, англійское *education*, нѣмецкое *Erziehung*—понятія, существующія въ Европѣ, образованіе же есть понятіе, существующее только въ Россіи и отчасти въ Германіи, гдѣ имѣется почти соответствующее слово—*Bildung*. Во Франціи же и Англии это понятіе и слово вовсе не существуютъ. *Civilisation* есть просвѣщеніе, *instruction* есть понятіе европейское, неперебиваемое порусски, означающее богатство школьныхъ научныхъ свѣдѣній, или передачу ихъ, но не есть образованіе, включающее въ себя и научныя знанія, и искусства, и физическое развитіе.

Я говорилъ въ 1-мъ № «Ясной Поляны» о правѣ насилія въ дѣлѣ образованія и старался доказать, что во 1-хъ, насиліе невозможно, во 2-хъ, не приводитъ ни къ какимъ результатамъ, или къ печальнымъ, въ 3-хъ, что насиліе это не можетъ имѣть дру-

того основанія кромѣ произвола (черкесь учить воровать, магаметанинѣ убивать невѣрныхъ). Воспитанія, какъ предмета науки, нѣтъ. Воспитаніе есть возведенное въ принципъ стремленіе къ нравственному деспотизму. Воспитаніе есть, я не скажу выраженіе дурной стороны человѣческой природы, но явленіе, доказывающее неразвитость человѣческой мысли, и потому не могущее быть положеннымъ основаніемъ разумной человѣческой дѣятельности—науки.

Воспитаніе есть стремленіе одного человѣка сдѣлать другого такимъ-же, каковъ онъ самъ. (Стремленіе бѣднаго отнять богатство у богатаго, чувство зависти стараго при взглядѣ на свѣжую и сильную молодость, — чувство зависти, возведенное въ принципъ и теорію). Я убѣжденъ, что воспитатель только потому можетъ съ такимъ жаромъ заниматься воспитаніемъ ребенка, что въ основѣ этого стремленія лежитъ зависть къ чистотѣ ребенка и желаніе сдѣлать его похожимъ на себя, т. е. больше испорченнымъ.

Я знаю барышника — дворника, постоянно подлыми путями сбивающаго себя копѣйку, который, на мои увѣщанія и подольщенія отдать славнаго 12-ти лѣтняго своего сынишку ко мнѣ въ яснополянскую школу, въ самодовольную улыбку распуская свою красную рожу, постоянно отвѣчаетъ одно и то же: «оно такъ-то-такъ, ваше сіятельство, да мнѣ нужнѣе всего прежде напитать его своимъ духомъ.» И онъ его вездѣ таскаетъ съ собой и хвастается тѣмъ, что 12-тилѣтній сынишка научился обдывать мужиковъ, ссыпавшихъ отцу пше-ницу. Кто не знаетъ отцовъ, воспитанныхъ въ юнкерахъ и корпуслахъ, считающихъ только то образованіе хорошимъ, которое пропитано тѣмъ самымъ духомъ, въ которомъ эти отцы сами воспитались. Развѣ не точно также пропитываютъ своимъ духомъ профессора въ университетахъ и монахи въ семинаріяхъ? Мнѣ не хочется доказывать то, что я разъ уже доказывалъ и то, что слишкомъ легко доказать:—что воспитаніе, какъ умышленное формированіе людей по извѣстнымъ образцамъ,—*не плодотворно, не законно и не возможно.* Здѣсь я ограничусь однимъ вопросомъ. Права воспитанія не существуетъ. Я не признаю его, не признаетъ, не признавало и не

будеть признавать его все воспитываемое молодое поколѣніе, всегда и вездѣ возмущающееся противъ насилія воспитанія. *Чѣмъ вы докажете это право?* Я не знаю и не полагаю ничего, а вы признаете и полагаете новое, для насъ не существующее, право одного человѣка дѣлать изъ другихъ людей такихъ, какихъ ему хочется. Докажите это право, но только не тѣмъ, что фактъ злоупотребленія властью существуетъ и давно уже существовалъ. Не вы истцы, а мы, — вы же отвѣтчики. Мнѣ уже нѣсколько разъ устно и печатно возражали на мысли, выраженные въ «Ясной Полянѣ» такъ, какъ успокоиваютъ беспокойное дитя. Мнѣ говорили: «безъ сомнѣнія воспитывать такъ, какъ воспитывались въ средневѣковыхъ монастыряхъ, — безъ сомнѣнія это не хорошо, но гимназій, университеты совсѣмъ другое дѣло.» Другіе еще говорили: «безъ сомнѣнія, это такъ, но, принявъ во вниманіе и т. д. такія-то и такія-то обстоятельства, надо согласиться, что иначе невозможно.» Такой пріемъ возраженія, мнѣ кажется, обличаетъ не серьезность, а слабость мысли. Вопросъ поставленъ такъ: имѣеть ли нѣтъ одинъ человѣкъ право на воспитаніе другаго? Нельзя отвѣчать — нѣтъ, но однако-же... Необходимо отвѣтить: да или нѣтъ. Если да,—то жидовская синагога, дьячковское училище имѣють столь же законное право существовать, какъ всѣ ваши университеты. Если нѣтъ, то и вашъ университетъ, какъ воспитательное заведеніе, столь же незаконенъ, если только онъ несовершененъ и всѣ не признають его таковымъ. Я не вижу середины и не по одной теоріи, но и въ дѣйствительности. Для меня одинаково возмутительны гимназія съ своею латынью и профессоръ университета съ своимъ радикализмомъ или матеріализмомъ. Ни гимназистъ, ни студентъ не имѣють свободы выбора. По моимъ наблюденіямъ, даже результаты всѣхъ этихъ родовъ воспитанія одинаково уродливы. Развѣ не очевидно, что курсы ученя нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній будутъ въ XXI столѣтіи казаться нашимъ потомкамъ столь же странными и бесполезными, какими намъ кажутся теперь средневѣковыя школы. Такъ легко придти къ тому простому заключенію, что если въ исторіи человѣческихъ знаній не было абсолютныхъ истинъ, а одни ошибки постоянно смѣнялись

другими, то на какомъ основаніи принуждать молодое поколѣніе усвоивать тѣ знанія, которыя навѣрное окажутся ошибочными? Скажутъ и говорили: если такъ было всегда, то о чемъ вы хлопочете!—такъ и должно быть. Я никакъ не вижу этого. Если люди всегда убивали другъ друга, то изъ этого ни какъ не слѣдуетъ, чтобы это всегда такъ должно было быть, и чтобы убійство нужно было возводить въ принципъ, особенно если бы найдены были причины этихъ убійствъ и указана возможность обойтись безъ нихъ. Главное же, зачѣмъ вы, признавая общее человѣческое право воспитанія, осуждаете дурное воспитаніе? Осуждаетъ отецъ, отдавши своего сына въ гимназію, осуждаетъ религія, глядя на университеты, осуждаетъ правительство, осуждаетъ общество. Или признать за *каждымъ* право, или ни за кѣмъ.—Я не вижу середины. Наука должна рѣшить вопросъ: имѣемъ ли мы право воспитанія, или нѣтъ? Отчего не сказать правды? Вѣдь университетъ не любитъ поповскаго образованія и говоритъ, что нѣтъ ничего хуже семинарій, духовные не любятъ университетскаго образованія и говорятъ, что нѣтъ ничего хуже университетовъ, что это только школы гордости и атеизма, родители осуждаютъ университеты, университеты осуждаютъ кадетскіе корпуса, правительство осуждаетъ университеты и на оборотъ. Кто же правъ, кто виноватъ? Здравая мысль въ живомъ, не мертвомъ народѣ, въ виду такихъ вопросовъ, не можетъ заниматься составленіемъ картинокъ для нагляднаго обученія, ей необходимо отвѣтить на эти вопросы. А будетъ ли эта мысль называться педагогика, или нѣтъ—это все равно. Есть два отвѣта: или признать право за тѣмъ, къ кому мы ближе, или кого мы больше любимъ, или боимся, какъ дѣлаетъ это большинство (попъ я, то считаю семинаріи лучше всего, военный я, то предпочитаю кадетскій корпусъ, студентъ, то признаю одни университеты. Такъ дѣлаемъ мы всѣ, только обставляя свои пристрастія болѣе или менѣе остроумными доводами и вовсе не замѣчая, что всѣ наши противники дѣлаютъ то-же самое); или ни за кѣмъ не признавать права воспитанія. Я избралъ этотъ послѣдній путь и старался доказать почему.

Я говорю, что университеты не только русскіе, но и во всей

Европѣ, какъ скоро не совершенно свободны, не имѣютъ другаго основанія, какъ произволъ, и столь же уродливы, какъ монастырскія школы. Я прошу будущихъ критиковъ не ступовывать моихъ выводовъ: или я вру, или ошибается вся педагогика, середины не можетъ быть. И такъ, до тѣхъ поръ, пока не будетъ доказано права воспитанія, я не признаю его. Но тѣмъ не менѣе, не признавая права воспитанія, я не могу не признавать самаго явленія, факта воспитанія, и долженъ объяснить его. Откуда взялось воспитаніе и тотъ странный взглядъ нашего общества, то необъяснимое противорѣчіе, вслѣдствіе котораго мы говоримъ: эта мать дурна, она не имѣетъ права воспитывать свою дочь,—отнять ее у матери; это заведеніе дурно,—уничтожить его; а это заведеніе хорошо,—надо поддержать его? Вслѣдствіе чего существуетъ воспитаніе?

Если существуетъ вѣками такое ненормальное явленіе, какъ насилие въ образованіи, — воспитаніе, то причины этого явленія должны корениться въ человѣческой природѣ. Причины эти я вижу: 1) въ семействѣ, 2) въ религіи, 3) въ государствѣ, и 4) въ обществѣ (въ тѣсномъ смыслѣ,—у насъ въ кругу чиновниковъ и дворянства).

Первая причина состоитъ въ томъ, что отецъ и мать, какіе бы они ни были, желаютъ сдѣлать своихъ дѣтей такими же, какъ они сами, или, по крайней мѣрѣ, такими, какими бы они желали быть сами. Стремленіе это такъ естественно, что нельзя возмущаться противъ него. До тѣхъ поръ, пока право свободного развитія каждой личности не вошло въ сознаніе каждаго родителя, нельзя требовать ничего другаго. Кромѣ того, родители болѣе всякаго другаго будутъ зависѣть отъ того, чѣмъ сдѣлается ихъ сынъ; такъ что стремленіе ихъ воспитать его по своему можетъ назваться ежели не справедливымъ, то естественнымъ.

Вторая причина, порождающая явленіе воспитанія, есть религія. Какъ скоро человѣкъ—магометанинъ, жидъ или христіанинъ—твердо вѣритъ, что человѣкъ, непризнающій его ученіе, не можетъ быть спасенъ и губить свою душу на-вѣки, онъ не можетъ не желать, хотя насильно, обратить и воспитать каждаго ребенка въ своемъ ученіи.

Повторяю еще разъ: — религія есть единственное, законное и разумное основаніе воспитанія.

Третья и самая существенная причина воспитанія заключается въ потребности правительствъ воспитать такихъ людей, какіе имъ нужны для извѣстныхъ цѣлей. На основаніи этой потребности, основываются кадетскіе корпуса, училища правовѣднія, инженерныя и другія школы. Если бы не было слугъ правительству, не было бы правительства; если-бы не было правительства, не было-бы государства. Стало-быть и эта причина имѣетъ неоспоримыя оправданія.

Четвертая причина, наконецъ, лежитъ въ потребности общества, того общества въ тѣсномъ смыслѣ, которое у насъ представляется дворянствомъ, чиновничествомъ и отчасти купечествомъ. Этому обществу нужны помощники, потворщики и участники.

Замѣчательно то — я прошу читателя, для ясности послѣдующаго, обратить на это обстоятельство особое вниманіе — замѣчательно то, что въ наукѣ и литературѣ встрѣчаются постоянно нападки на насиліе воспитанія семейнаго (говорятъ: родители развращаютъ своихъ дѣтей, — а, кажется, какъ естественно, чтобы отецъ и мать желали сдѣлать своихъ дѣтей такими же, какъ они сами), встрѣчаются нападки на религіозное воспитаніе (кажется, годъ тому назадъ вся Европа стонала за одного жиденка, воспитаннаго насильно христіаниномъ; а нѣтъ ничего законнѣе желанія дать попавшемуся мнѣ ребенку средство вѣчнаго спасенія въ той единственной религіи, въ которую я вѣрую), встрѣчаются нападки на воспитаніе чиновниковъ, офицеровъ; а какъ-же необходимому для всѣхъ насъ правительству не образовать для себя и для насъ служителей. Но на образованіе общественное не слышно нападокъ. Привилегированное общество съ своимъ университетомъ всегда право, а не смотря на то оно воспитываетъ въ понятіяхъ противныхъ народу, всей массѣ народа, и не имѣетъ оправданія кромѣ гордости. Отъ чего это? Я думаю только отъ того, что мы не слышимъ голоса того, кто нападаетъ на насъ, не слышимъ потому, что онъ говоритъ не въ печати и не съ кафедръ. А это могучій голосъ народа, надо прислушиваться къ нему.

Возьмите въ наше время и въ нашемъ обществѣ, какое хотите, общественное заведеніе — отъ народной школы и пріюта для бѣдныхъ дѣтей до женскаго пансіона, до гимназій и университетовъ, — во всѣхъ этихъ заведеніяхъ вы найдете одно непонятное, но никому не бросающееся въ глаза явленіе. Родители, начиная съ крестьянъ, мѣщанъ до купцовъ и дворянъ, жалуются на то, что дѣтей ихъ воспитываютъ въ чуждыхъ ихъ средѣ понятіяхъ. Купцы и стараго вѣка дворяне говорятъ: мы не хотимъ гимназій и университетовъ, которые сдѣлаютъ изъ нашихъ дѣтей безбожниковъ и вольнодумцевъ. Крестьяне и мѣщане не хотятъ школы, пріютовъ и пансіоновъ, чтобы не сдѣлали изъ ихъ дѣтей бѣлоручекъ и писарей, вмѣсто пахарей. Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ воспитатели безъ исключенія, отъ народныхъ школъ до высшихъ учебныхъ заведеній, заботятся объ одномъ—воспитать вѣрныхъ имъ дѣтей такъ, чтобы дѣти эти не были похожи на своихъ родителей. Нѣкоторые воспитатели наивно признаются, нѣкоторые, хотя не признаваясь, считаютъ сами себя образцами того, чѣмъ должны быть, а родителей образцами той грубости, того невѣжества и ихъ пороковъ, какими не должны быть ихъ воспитанники. Воспитательница, уродливое, изломанное жизнью созданіе, полагающая все совершенство человѣческой природы въ искусство присѣдать, надѣвать воротнички и во французскомъ языкѣ, конфиденціально сообщаетъ вамъ, что она мученица своихъ обязанностей, что всѣ ея труды воспитанія пропадаютъ даромъ отъ невозможности удалить совершенно дѣтей отъ вліянія родителей, что воспитанницы ея, начинавшія уже забывать русскій языкъ и начинавшія скверно говорить пофранцузски, начинавшія забывать обращеніе съ кухарками, возню на кухнѣ и бѣганіе босикомъ, а слава Богу, выучившія уже Александра Македонскаго и Гваделупу, при свиданіи съ домашними—увъ! забываютъ все это и усваиваютъ вновь свои тривиальныя привычки. Воспитательница эта, не только, не стѣсняясь передъ своими воспитанницами, будетъ полтрунить надъ ихъ матерями или вообще надъ всѣми женщинами, принадлежащими къ ихъ кругу, но она считаетъ своей заслугой посредствомъ ироніи надъ прежней средой воспитанницъ

перемѣнить ихъ взглядъ и понятія. Я не говорю уже о той искусной матеріальной обстановкѣ, которая должна совершенно измѣнить весь взглядъ воспитываемыхъ. Дома всѣ удобства жизни—вода, пироги, хорошая провизія, хорошо приготовленный обѣдъ, чистота и удобство помѣщенія—все зависѣло отъ трудовъ и заботъ матери и всего семейства. Больше трудовъ и заботъ—больше удобства, меньше трудовъ и заботъ—меньше удобства. Простая штучка, но, я смѣю думать, больше поучительная, чѣмъ французскій языкъ и Александръ Македонскій. При общественномъ же воспитаніи это постоянно-жизненное возмездіе за трудъ до такой степени устранено, что не только не будутъ хуже или лучше обѣдъ, чище или чернѣ наволочки, лучше или хуже натерты полы,—будетъ ли ученица о томъ заботиться или нѣтъ, но у ней нѣтъ даже своей келейки, своего угла, который бы она могла убрать или не убрать по своему, нѣтъ возможности изъ лоскутковъ и лентъ сдѣлать себѣ нарядъ. «Ну, что, лежачаго не бьютъ,—скажутъ девять десятыхъ читателей:—что и говорить объ пансіонахъ и т. п.» Нѣтъ, они не лежачіе, они стоячіе и крѣпко стоячіе на опорѣ права воспитанія. Пансіоны нисколько не уродливѣе гимназій, университетовъ. Въ основаніи тѣхъ и другихъ лежитъ одинъ и тотъ же принципъ: признанное за однимъ человѣкомъ, или небольшимъ собраниемъ людей, право дѣлать изъ другихъ людей такихъ, какихъ имъ хочется. Пансіоны не лежачіе, — ихъ существуетъ и будутъ существовать тысячи, потому что они имѣютъ такое же право на образованіе, какъ воспитательныя гимназій и университеты. Разница развѣ въ томъ, что мы не признаемъ почему-то права за семьей воспитывать какъ ей угодно,—отрываемъ ребенка отъ развратной матери и помѣщаемъ въ пріютъ, гдѣ его исправитъ испорченная воспитательница.

Мы не признаемъ за религіей права воспитывать, мы кричимъ противъ семинарій и монастырскихъ школъ, мы не признаемъ этого права и за правительствомъ, мы недовольны кадетскими корпусами, школами правовѣдѣнія и т. п., но у насъ не достаетъ силы отрицать законность заведеній, въ которыхъ *общество*, т. е. не народъ, но высшее общество, признаетъ за собой право воспитывать по своему — пансіоны для дѣвицъ и

университеты. Университеты? Да, университеты. Я позволю себѣ анализировать и этотъ храмъ премудрости. Съ моей точки зрѣнія, онъ ни на шагъ не только не ушолъ впередъ отъ женскаго заведенія, но въ немъ-то и лежитъ корень зла, — деспотизмъ общества, на который не поднимали еще руку.

Какъ пансіонъ рѣшилъ, что нѣтъ спасенія безъ инструмента, называемаго фортепьяно, и языка французскаго, такъ точно одинъ мудрецъ или компанія такихъ мудрецовъ (пускай подъ этой компаніей будутъ разумѣть представителей европейской науки, отъ которой мы будто бы прееменовали нашу организацію университетовъ, все-таки эта компанія мудрецовъ будетъ очень—очень малочисленна въ сравненіи съ той массой учащихся, для которой въ будущемъ организованъ университетъ) учредила университетъ для изученія рѣшительно *всѣхъ* наукъ въ ихъ высшемъ, самомъ высшемъ, развитіи, и, не забудьте, учредила такія заведенія въ Москвѣ, въ Петербургѣ, въ Казани, въ Кіевѣ, въ Дерптѣ, въ Харьковѣ, завтра учредить еще въ Саратовѣ, въ Николаевѣ; гдѣ только захочется, тамъ и учредится заведеніе для изученія *всѣхъ* наукъ въ ихъ высшемъ развитіи. Я сомнѣваюсь, чтобы мудрецы эти придумали организацію такого заведенія. Воспитательницѣ еще легче: для нея есть образецъ—она сама. Здѣсь же образцы слишкомъ разнообразны и сложны. Но положимъ, что такая организація придумана,—положимъ, что еще не вѣроятнѣе, что у насъ есть люди для такихъ заведеній. Посмотримъ на дѣятельность такого заведенія и его результаты. Я говорилъ уже о невозможности доказать программу какого бы то ни было учебнаго заведенія, тѣмъ менѣе университета, какъ не готовящаго ни къ какому другому заведенію, но прямо къ жизни. Я повторю только, въ чемъ не могутъ не согласиться всѣ непредупрежденные люди, что доказать необходимость подраздѣленія факультетовъ нѣтъ никакой возможности.

Какъ воспитательница, такъ и университетъ считаютъ первымъ условіемъ допущенія къ участию въ образованіи оторванность отъ первобытной среды. Университетъ, общимъ правиломъ, принимаетъ только учениковъ, прошедшихъ семилѣтній курсъ гимназическаго курса и живущихъ въ большомъ городѣ. Малая часть вольнослушающихъ проходитъ тотъ же гимназическій курсъ, только не съ помощью гимназіи, а домашнихъ учителей.

Прежде чѣмъ вступить въ гимназію, ученикъ долженъ пройти курсъ уѣзднаго и народнаго училища.

Я попробую, оставивъ въ покоѣ ученія ссылки на исторію и глубокомысленныя сравненія положенія дѣла въ европейскихъ государствахъ, просто говорить о томъ, что происходитъ на нашихъ глазахъ въ Россіи.

Надѣюсь, всѣ согласны, что назначеніе нашихъ воспитательныхъ учрежденій состоитъ преимущественно въ распространеніи образованія между всѣми сословіями, а не въ поддержаніи образованія въ исключительно завладѣвшемъ имъ сословіи, т. е., что мы не столько заботимся о томъ, чтобы были образованы сыновья какого нибудь богача или вельможи (эти найдутъ себѣ образованіе, если не въ русскомъ, то въ европейскомъ заведеніи), сколько намъ дорого дать образованіе сыну дворника, третьей гильдіи купца, мѣщанина, священника, сыну бывшаго двороваго и т. п. Я не говорю о крестьянинѣ — это были бы далеко неисполнимыя мечтанія. Однимъ словомъ, цѣль университета — распространеніе образованія на наибольшее число людей. Возьмемъ для примѣра сына мелкаго городского купца или мелкаго мѣстнаго дворянина. Мальчика прежде всего отдають учиться грамотѣ. Ученіе это, какъ извѣстно, состоитъ изъ зубренія непонятныхъ славянскихъ рѣчей, продолжающагося, какъ извѣстно, три — четыре года. Вынесенныя изъ такого ученія знанія оказываются неприменимыми къ жизни; нравственныя привычки, вынесенныя оттуда же, состоятъ въ неуваженіи къ старшимъ, къ учителямъ, иногда въ воровствѣ книгъ и т. п., и главное — въ праздности и лѣни.

Кажется, излишне доказывать, что школа, въ которой учатся три года тому, чему можно выучиться въ три мѣсяца, есть школа праздности и лѣни. Ребенокъ, неподвижно обязанный сидѣть 6 часовъ за книгой, выучивая въ цѣлый день то, что онъ можетъ выучить въ полчаса, искусственно приучается къ самой полной и зловредной праздности. По возвращеніи изъ такой школы, девять десятыхъ родителей, въ особенности матерей, находятъ своихъ дѣтей отчасти испорченными, физически разслабленными и отчужденными; но потребность сдѣлать изъ нихъ людей съ успѣхомъ въ свѣтѣ побуждаетъ

отдать ихъ дальше, въ уѣздное училище. Въ этомъ заведеніи обученіе праздности, обману, лицемѣрію и физическое расслабленіе продолжается съ большою силою. Въ уѣздномъ училищѣ еще видишь здоровыя лица, въ гимназіи рѣдко, въ университетѣ почти никогда. Въ уѣздномъ училищѣ предметы преподаванія еще менѣе приложимы къ жизни, чѣмъ въ первомъ. Тутъ начинаются А. Македонскій, Гваделупа и мнимое объясненіе явленій природы, ничего не дающихъ ученику, кромѣ ложной гордости и презрѣнія къ родителямъ, въ которомъ примѣръ учителя поддерживаеъ его. Кто не знаетъ этихъ учениковъ, глубоко презирающихъ весь простой необразованный народъ на томъ основаніи, что они слышали отъ учителя, что земля кругла и что воздухъ состоитъ изъ азота и кислорода! Послѣ уѣзднаго училища, та глупая мать, надъ которой такъ мило подтрунивають писатели повѣстей, еще больше тужить надъ физически и нравственно измѣнившимся дѣтищемъ. Наступаетъ гимназическій курсъ съ тѣми же приемами экзаменовъ и принужденія, развивающими лицемѣріе, обманъ и праздность, и сынъ купца или мелкопомѣстнаго дворянина, незнающаго, гдѣ сыскать работника или прикащика, учить уже наизусть французскую, латинскую грамматику, исторію Лютера и, на несвойственномъ себѣ языкѣ, изоощрется писать сочиненія о выгодахъ представительнаго образа правленія. Кромѣ всей этой, ии къ чему неприложимой, мудрости, онъ учится уже дѣланію долговъ, обманамъ, выманиванію у родителей денегъ, распутству и т. п. наукамъ, которыя свое окончательное развитіе получаютъ въ университетѣ. Здѣсь, въ гимназіи, мы уже видимъ окончательное отреченіе отъ дома. Просвѣщенные учителя стараются возвысить его надъ его природной средой, съ этой цѣлью ему даютъ читать Бѣлинскаго, Маколея, Льюиса и т. д.; все это не потому, чтобы онъ имѣлъ къ чему нибудь исключительную склонность, а чтобы вообще *развить его*, какъ они это называютъ. И гимназистъ, на основаніи смутныхъ понятій и соответствующихъ имъ словъ—прогрессъ, либерализмъ, матеріализмъ, историческое развитіе и т. п., съ презрѣніемъ и отчужденіемъ смотритъ на свое прошедшее. Цѣль наставниковъ достигнута, но родители, и въ особенности мать, еще съ боль-

шимъ недоумѣніемъ и грустью смотреть на своего измозжоннаго, чужимъ языкомъ говорящаго, чужимъ умомъ думающаго, курящаго папирасы и пьющаго вино, самоувѣреннаго и самодовольнаго Ваню. Дѣло сдѣлано,—и другіе такіе же,—думаютъ родители, должно-быть такъ надо, — и Ваня отправляется въ университетъ. Родители не смѣютъ сказать самимъ себѣ, что они ошиблись.

Въ университетѣ, какъ сказано уже, рѣдко кого увидишь съ здоровымъ и свѣжимъ лицомъ, и ни одного не увидишь, который бы съ уваженіемъ, хотя бы съ неуваженіемъ, но спокойно, смотрѣлъ на ту среду, изъ которой онъ вышелъ и въ которой ему придется жить; онъ смотритъ на нее съ презрѣніемъ, отвращеніемъ и высококомѣрнымъ сожалѣніемъ. Такъ онъ смотритъ на людей своей среды, на своихъ родныхъ, также смотритъ и на ту дѣятельность, которая предстояла бы ему по общественному положенію. Только три карьеры исключительно представляются ему въ золотомъ сіяніи: ученый, литераторъ и чиновникъ.

Изъ предметовъ преподаванія нѣтъ ни одного, который бы былъ приложимъ къ жизни, и преподаютъ ихъ точно также, какъ заучиваютъ псалтырь и географію Ободовскаго. Я исключая только предметы опытные, какъ то: химію, физиологію, анатомію, даже астрономію, въ которыхъ заставляютъ работать студентовъ; всѣ остальные предметы, какъ то: философія, исторія, право, филологія учатся наизусть, только съ цѣлію отвѣчать на экзаменъ,—какіе бы ни были экзамены — переходные или выпускные, это все равно. Я вижу высококомѣрное презрѣніе профессоровъ, читающихъ эти строки. Они не удостоятъ меня даже озлобленіемъ и не снизойдутъ съ высоты своего величія для того, чтобы доказать писателю повѣстей, что онъ ничего не понимаетъ въ этомъ важномъ и таинственномъ дѣлѣ. Я это знаю, но никакъ не могу вслѣдствіе того удержать выводовъ разсудка и наблюдательности. Никакъ не могу я вмѣстѣ съ гг. профессорами признать невидимо совершающагося надъ студентами таинства образованія, независимо отъ формы и содержанія лекцій профессоровъ. Не признаю я всего этого, также какъ не признаю столь же таинственнаго, ни кѣмъ необьясненнаго об-

разовательнаго вліянія класическаго воспитанія, о которомъ уже не считаютъ нужнымъ спорить. Сколько бы признанныхъ всѣмъ міромъ мудрецовъ и почтенныхъ по характеру людей не утверждали, что для развитія чловѣка полезнѣе всего выучить латинскую грамматику, греческіе и латинскіе стихи въ подлинникъ, когда ихъ можно читать въ переводѣ, я не повѣрю этому, также какъ не повѣрю тому, что для развитія чловѣка нужно стоять три часа на одной ногѣ. Это нужно доказать не однимъ опытомъ. Опытомъ доказывается все, что угодно. Псалтирникъ опытомъ доказываетъ, что лучшее средство выучить грамотѣ—это заставить учить псалтырь; башмачникъ говоритъ, что лучшее средство выучить мастерству—заставлять ребятъ два года таскать воду, рубить дрова и т. д. Такимъ путемъ докажете все, что угодно. Все это я говорю только къ тому, чтобы защитники университетовъ не говорили бы мнѣ объ историческомъ значеніи, о таниственномъ образовательномъ вліяніи, объ общей связи государственныхъ воспитательныхъ учреждений, не приводили бы мнѣ въ примѣръ оксфордскіе, гейдельбергскіе университеты, а позволили бы мнѣ рассуждать по простому и здравому смыслу и сами бы рассуждали также. Я знаю только то, что, поступая въ университетъ 16 — 18 лѣтъ, для меня, по факультету, въ который я поступилъ, уже опредѣленъ кругъ моихъ знаній и опредѣленъ совершенно произвольно. Я прихожу на какуюнибудь лекцію изъ предписанныхъ мнѣ по факультету, я обязанъ не только слушать все, что читаетъ мнѣ профессоръ, но и заучить это, если не слово въ слово, то предложеніе въ предложеніе. Если я не выучу все это, профессоръ не дастъ мнѣ необходимаго аттестата при выпускномъ или переводномъ экзаменѣ. Я не говорю уже о злоупотребленіяхъ, повторяющихся сотню разъ. Для того, чтобы получить этотъ аттестатъ, я долженъ исполнить любимыя привычки профессора: или сидѣть всегда на первой лавкѣ и записывать, или имѣть испуганный или веселый видъ на экзаменѣ, или имѣть одинаковыя убѣжденія съ профессоромъ, или посѣщать аккуратно его вечера (это не мои выдумки, а мнѣнія студентовъ, которыя можно всегда слышать въ каждомъ университетѣ). Слушая лекціи, я могу не соглашаться съ взглядомъ профессора, могу, на осно-

ваніи чтеній по предмету, которымъ занимаюсь, находить, что лекціи профессора плохи, — я все-таки долженъ ихъ слушать или, по крайней мѣрѣ, выучивать.

Въ университетахъ существуетъ догматъ, который не высказывается профессорами, это догматъ папской непогрѣшимости профессора. Мало того, образованіе студентовъ профессоромъ совершается, какъ и у всѣхъ жрецовъ, тайно, келейно и съ требованіемъ благоговѣнія отъ непосвященныхъ и студентовъ. Какъ скоро профессоръ назначенъ, профессоръ начинаетъ читать, и будь онъ глупъ отъ природы, поглупѣй онъ во время исполненія своей должности, отстанъ онъ совершенно отъ науки, будь онъ недостойнымъ по характеру человѣкомъ, — онъ продолжаетъ читать, пока продолжаетъ жить, и нѣтъ студентамъ никакого средства выразить свое удовольствіе или неудовольствіе. Мало того, то, что читаетъ профессоръ, остается тайной для всѣхъ, кромѣ студентовъ. Можетъ быть, это происходитъ отъ моего невѣжества, но я не знаю книгъ — руководствъ, составленныхъ изъ чтеній профессоровъ. Если и бывали такіе курсы, то въ пропорціи одного на сотню

Что это такое значить?! Профессоръ преподаетъ науку въ высшемъ образовательномъ заведеніи, — положимъ исторію русскаго права или гражданское право, — стало быть онъ знаетъ эту науку въ высшемъ ея развитіи, стало быть онъ такъ умѣлъ соединить всѣ различные взгляды на науку или выбрать одинъ изъ нихъ — современнѣйшій и доказать, почему это такъ, — за что же онъ лишаетъ всѣхъ насъ, всю Европу, плодовъ своей мудрости и передаетъ ихъ только слушающимъ его студентамъ? Неужели ему неизвѣстно, что существуютъ хорошіе издатели, платящіе хорошія деньги за хорошія книги, что существуетъ литературная критика, оцѣнивающая литературныя произведенія, и что студентамъ было бы гораздо удобнѣе читать его книгу дома, лежа на кровати, чѣмъ записывать его лекціи! Если каждый годъ измѣняется и дополняется наука, то каждый годъ могли бы являться новыя дополнительные статьи. Литература и общество были бы благодарны. Отчего же они не печатаютъ своихъ курсовъ?

Я бы желалъ объяснить это равнодушіемъ къ литературному

успѣху, но, къ несчастію, вижу, что тѣ же жрецы науки не отказываются напечатать легонькую политическую статейку, иногда не касающуюся ихъ предмета. Я боюсь, что тайна университетскаго преподаванія происходитъ отъ того, что 90 изъ 100 курсовъ, будь они напечатаны, не выдержутъ нашей неразвитой литературной критики. Почему непременно нужно читать, а не дать студентамъ въ руки хорошую книгу свою или чужую, одну или двѣ, или десять хорошихъ книгъ.

То условіе, что въ университетѣ нужно читать профессору и непременно отъ себя, принадлежитъ къ догматамъ университетской практики, въ которую я не вѣрю и которую доказать невозможно. «Изустная передача запечатлѣвается болѣе въ умахъ и т. д.» скажутъ мнѣ; все это не справедливо. Я знаю себя и многихъ другихъ, составляющихъ не исключеніе, но общее правило, которые при устной передачи ничего не понимаютъ, и понимаютъ хорошо только тогда, когда спокойно дома читаютъ книгу. Изустная передача имѣла бы значеніе только тогда, когда студенты имѣли бы право опонировать и лекція была бы бесѣда, а не урокъ. Тогда бы только мы, публика, не имѣли права требовать оглашенія отъ профессоровъ тѣхъ руководствъ, по которымъ они 30 лѣтъ сряду учатъ нашихъ дѣтей и братій. При теперешнемъ же порядкѣ, чтеніе лекцій есть только забавный обрядъ, не имѣющій ни какого смысла, и въ особенности забавный по важности, съ которою онъ совершается.

Я не пріискиватель средствъ для исправленія университетовъ; я не говорю, что, допустивъ на лекціяхъ право студентовъ возраженія, можно было бы осмыслить университетское преподаваніе. На сколько я знаю профессоровъ и студентовъ, мнѣ кажется, что въ этомъ случаѣ студенты будутъ школьничать, либеральничать, профессора не будутъ въ состояніи хладнокровно, не прибѣгая къ власти, вести пренія и что дѣло пойдетъ еще хуже. Но изъ этого, по моему мнѣнію, никакъ не слѣдуетъ, чтобы студенты обязаны были молчать, а профессора имѣли право говорить все, что имъ вздумается; изъ этого только слѣдуетъ, что все университетское устройство стоитъ на ложныхъ основаніяхъ.

Понятенъ университетъ, соответствующій своему названію и своей основной идеи — собранію людей съ цѣлю взаимнаго образованія. Такіе университеты, неизвѣстные намъ, возникаютъ и существуютъ въ разныхъ уголкахъ Россіи; въ самыхъ университетахъ въ кружкахъ студентовъ собираются люди, читаютъ, толкуютъ между собой, и наконецъ постановляется правило, какъ собираться и толковать между собой. Вотъ настоящій университетъ. Наши же университеты, не смотря на всѣ пустые толки о мнимой либеральности ихъ устройства, суть заведенія ни чѣмъ не отличающіяся по своей организаціи отъ женскихъ учебныхъ заведеній и кадетскихъ корпусовъ. Какъ кадетскіе корпуса приготавливаютъ офицеровъ, какъ училище правовѣдѣнія—чиновниковъ, такъ университеты приготавливаютъ чиновниковъ и людей университетскаго образованія. (Это, какъ всѣмъ извѣстно, особый чинъ, званіе, каста почти). Университетскія происшествія послѣдняго времени объясняются для меня самымъ простымъ образомъ: студентамъ позволили выпускать воротнички рубашекъ и не застегивать мундировъ, хотѣли перестать наказывать ихъ за непосѣщеніе лекцій, и вслѣдствіе того все зданіе чуть не рушилось и не пало. Чтобы поправить дѣло, есть одно средство: вновь сажать въ карцеръ за непосѣщеніе лекцій, возобновить мундиры. Еще бы лучше на образецъ англійскихъ учрежденій наказывать за неудовлетворительные успѣхи и за неблагопріятіе, и главное ограничить число студентовъ числомъ нужныхъ людей. Это будетъ послѣдовательно, и, при такомъ устройствѣ, университеты будутъ давать намъ такихъ людей, какихъ давали прежде. Университеты, какъ заведенія для образованія членовъ общества, въ тѣсномъ смыслѣ высшаго чиновничьяго общества, разумны; но какъ только захотѣли сдѣлать изъ нихъ заведенія для образованія всего русскаго общества, оказалось, что они не годятся. Я рѣшительно не понимаю, на какомъ основаніи въ кадетскихъ корпусахъ признаны необходимыми мундиры и дисциплина, а въ университетахъ, гдѣ преподаваніе точно такое же—съ экзаменомъ, принужденіемъ, съ программой и безъ права возраженія и уклоненія отъ лекцій учащихся,—почему въ университетахъ говорятъ о свободѣ и думаютъ обойтись безъ средствъ

кадетскихъ корпусовъ! Пускай примѣръ германскихъ университетовъ не смущаетъ насъ; намъ нельзя брать примѣръ съ нѣмцевъ. для нихъ святъ всякій обычай, всякій законъ, а для насъ, къ счастью или несчастью, наоборотъ.

Вся бѣда, какъ въ университетскомъ дѣлѣ, такъ и общемъ дѣлѣ образованія, происходитъ преимущественно отъ людей, не разсуждающихъ, но покоряющихся идеямъ вѣка, и потому полагающихъ, что можно служить двумъ господамъ вмѣстѣ. Это тѣ самые люди, которые на мысли, выраженные въ «Ясной-Полянѣ», отвѣчаютъ такъ: «правда, ужь прошло время бить дѣтей за ученье и наизусть долбить, все это очень справедливо, но согласитесь, что безъ розги иногда невозможно, и что надо иногда заставлять учить наизусть. Вы правы, но зачѣмъ крайности и т. д. и т. д.»

Кажется, какъ мило разсуждаютъ эти люди, а они-то и стали враги правды и свободы. Они за тѣмъ только будто бы соглашаются съ вами, чтобы, овладѣвъ вашею мыслью, измѣнять и подрѣзывать, и подстригать ее по-своему. Они вовсе не согласны съ тѣмъ, что свобода необходима; они только говорятъ это потому, что боятся не преклониться передъ кумиромъ нашего вѣка. Они только, какъ чиновники, въ глаза хвалятъ губернатора, въ рукахъ котораго власть. Во сколько тысячъ разъ я предпочитаю моего пріятеля попа, который прямо говорить, что разсуждать нечего, когда люди могутъ умереть несчастными, не узнавъ Закона Божія, и потому, какими бы то ни было средствами, необходимо выучить ребенка Закону Божию, — спасти его. Онъ говоритъ, что принужденіе необходимо, что ученье—ученье, а не веселье. Съ нимъ можно разсуждать, а съ господами, служащими деспотизму и свободѣ, нельзя. Эти-то господа поражаютъ то особенное положеніе университетовъ, въ которомъ мы теперь находимся и въ которомъ необходимо какое-то особенное искусство дипломатіи, въ которомъ, по выраженію Фигаро, неизвѣстно кто кого обманываетъ: ученики обманываютъ родителей и наставниковъ, наставники обманываютъ родителей, учениковъ и правительство и т. д. во всѣхъ возможныхъ перемѣщеніяхъ и сочетаніяхъ. И намъ говорятъ, что это такъ и должно быть; намъ

говорять: вы, непосвященные, не суйте носа въ наше дѣло; тутъ нужно особенное искусство и особенныя знанія,—это историческое развитіе. А кажется, какъ дѣло просто: одни хотятъ учить, другіе хотятъ учиться. Пускай учатъ на сколько умѣютъ, пускай учатся на сколько хотятъ.

Я помню, во время самаго разгара дѣла костомаровскаго проекта университетовъ, я защищалъ проектъ передъ однимъ профессоромъ. Съ какой неподражаемой глубокомысленной серьезностію, почти шопотомъ, внушительно, конфиденціально, сказалъ мнѣ профессоръ: «Да знаете ли вы, что такое этотъ проектъ? Это не проектъ новаго университета, а это проектъ уничтоженія университетовъ», сказалъ онъ, съ ужасомъ глядя на меня. — Да что же?—это было бы очень хорошо, отвѣчалъ я, потому что *университеты дурны*.—Профессоръ не сталъ болѣе разсуждать со мною, хотя былъ не въ силахъ доказать мнѣ, что университеты хороши, также какъ и никто не въ силахъ доказать этого.

Всѣ люди — всѣ человѣки, даже профессора. Ни одинъ работникъ не скажетъ, что нужно уничтожить ту фабрику, на которой онъ находитъ кусокъ хлѣба, и не потому, чтобы онъ это разсчитывалъ, а бессознательно. Тѣ господа, которые хлопчуть о большей свободѣ университетовъ, похожи на человѣка, который, выводя въ комнатѣ молодыхъ соловьевъ, и убѣдившись въ томъ, что соловьямъ нужна свобода, выпустилъ бы ихъ изъ клѣтки, и старался на бичевкѣ дать имъ свободу; а потомъ удивлялся бы, что соловьи не выводятъ и на бичевкахъ, привязанныхъ имъ за ноги, и что только повывихали себѣ ноги и подошли.

Никто никогда не думалъ объ учрежденіи университетовъ на основаніи потребности народа. Это было и невозможно, потому что потребность народа была и остается неизвѣстною. Но университеты были учреждены для потребностей отчасти правительства, отчасти высшаго общества, и для университетовъ уже учреждена вся подготавливающая къ нимъ лѣстница учебныхъ заведеній, неимѣющая ничего общаго съ потребностью народа. Правительству нужны были чиновники, медики, юристы, учителя,—для приготовленія ихъ основаны университеты. Теперь

для высшаго общества нужны либералы по извѣстному образцу и таковыхъ приготавливаютъ университеты. Ошибка только въ томъ, что такихъ либераловъ совсѣмъ не нужно народу.

Обыкновенно говорятъ, что недостатки университетовъ происходятъ отъ недостатковъ низшихъ заведеній. Я утверждаю наоборотъ: недостатки народныхъ, особенно уѣздныхъ училищъ происходятъ преимущественно отъ ложности требованія университетовъ.

Посмотримъ теперь на практику университетовъ. Изъ 50 студентовъ, составляющихъ аудиторію, десять человекъ на первыхъ двухъ лавкахъ имѣютъ тетрадки и записываютъ; изъ этихъ десяти, шесть записываютъ для того, чтобы понравиться профессору, изъ выработаннаго школой и гимназіею прислужничества, еще четверо записываютъ съ искреннимъ желаніемъ записывать весь курсъ, но на четвертой лекціи бросаютъ, и много—много, что двое или трое изъ нихъ, т. е. $\frac{1}{15}$ или $\frac{1}{30}$ курса составляютъ лекціи. Весьма трудно не пропустить одной лекціи. Въ математическомъ предметѣ, да и во всякомъ другомъ, пропущена одна лекція—и связь потеряна. Студентъ справляется съ руководствомъ и ему естественно приходитъ простая мысль—не нести бесполезную работу записыванія лекцій, когда то же самое можно сдѣлать по руководству или чужимъ запискамъ. Въ математическомъ и всякомъ другомъ предметѣ, что долженъ знать каждый учитель, *постоянно* слѣдить за выводами и доказательствами учителя не въ состояніи ни одинъ ученикъ, какъ-бы учитель не старался быть подробенъ, ясенъ и увлекателенъ. Очень часто съ ученикомъ случается минута затмѣнія или развлеченія, ему нужно спросить какъ, почему, что было прежде; связь потеряна, а профессоръ идетъ дальше. Главная забота студентовъ (и я теперь говорю только о самыхъ лучшихъ) достать записки или руководство, по которымъ можно будетъ приготовиться къ экзамену. Большинство ходитъ на лекціи или потому, что нечего дѣлать и еще вновѣ не наскучило, или чтобы доставить удовольствіе профессору, или, въ рѣдкихъ случаяхъ, изъ моды, когда одинъ изъ ста профессоровъ сдѣлался популяренъ и посѣщать его лекціи сдѣлалось уметвеннымъ щегольствомъ между студентами. Почти всегда, съ точки

зрѣнія студентовъ, лекціи составляютъ пустую формальность, необходимую только въ виду экзамена. Большинство, въ продолженіе курса, не занимается своими предметами, а посторонними, программа которыхъ опредѣляется кружкомъ, въ который попадаютъ студенты. На лекціи смотрятъ обыкновенно также, какъ солдаты смотрятъ на ученіе; на экзамень также, какъ на смотръ, какъ на скучную необходимость. Программа, составляемая кружкомъ, въ послѣднее время мало разнообразна; большею частью она состоитъ въ слѣдующемъ: чтеніе и повтореніе чтеній старыхъ статей Бѣлинскаго и новыхъ статей Чернышевскихъ, Антоновичей, Писаревскихъ и т. п.; кромѣ того, чтеніе новыхъ книгъ, имѣющихъ блестящій успѣхъ въ Европѣ, безъ всякой связи и отношенія къ предметамъ, которыми занимаются: Льюисъ, Бокль и т. п. Главное же занятіе—чтеніе запрещенныхъ книгъ и переписываніе ихъ: Фейербахъ, Молешотъ, Бюхнеръ и въ особенности Герценъ и Огаревъ. Переписывается все не по достоинству, но по степени запрещенія. Я видалъ у студентовъ кипы переписанныхъ книгъ, безъ сравненія большія, чѣмъ бы былъ весь курсъ четырехъ-лѣтняго преподаванія, и въ числѣ этихъ тетрадей толстыя тетради самыхъ отвратительныхъ стихотвореній Пушкина, и самыхъ бездарныхъ и безцвѣтныхъ стихотвореній Рылѣва. Еще занятіе составляютъ собранія и бесѣды о самыхъ разнородныхъ и важныхъ предметахъ, напримѣръ о возстановленіи независимости Малороссіи, о распространеніи грамотности между народомъ, о сыграніи сообща какой нибудь штуки надъ профессоромъ или инспекторомъ, которая называется требованіемъ объясненій, о соединеніи двухъ кружковъ аристократическаго и плебейскаго и т. п. Все это иногда бываетъ смѣшно, но часто мило, трогательно и поэтично, какою часто бываетъ праздная молодежь. Но дѣло въ томъ, что въ эти занятія погружень молодой человекъ сынъ мелкопомѣстнаго дворянина или 3 й гильдіи купца, которыхъ отцы отдали въ надеждѣ сдѣлать изъ нихъ себѣ помощниковъ, одному — помочь сдѣлать свое маленькое имѣніице производительнымъ, другому — помочь повести правильнѣе и выгоднѣе торговлю. Мнѣнія о профессорахъ въ этихъ кружкахъ существуютъ слѣдующія: одинъ совершенно глухъ,

говорять про профессора, хотя и труженикъ, другой отсталъ отъ науки, хотя и былъ способенъ, третій нечистъ на руку и выводить только тѣхъ, кто исполняетъ такія-то его требованія, четвертый—посмѣшище рода человѣческаго, 30 лѣтъ сряду читающій безобразнымъ языкомъ написанныя свои записки, — и счастливъ тотъ университетъ, въ которомъ на 50 профессоровъ есть хоть одинъ уважаемый и любимый студентами.

Прежде, когда были переводные экзамены, каждый годъ происходило хоть не изученіе предмета, но ежегодное выдалбливаніе записокъ передъ экзаменомъ. Теперь такое выдалбливаніе происходитъ два раза: при переходѣ изъ втораго курса въ третій и передъ выпускомъ. Тотъ самый жребій, который прежде видался четыре раза въ продолженіи всего курса, теперь дается два раза.

Какъ скоро существуютъ экзамены съ ихъ настоящимъ устройствомъ, переводные или выпускные—это все равно, непременно должно существовать и бессмысленное долбленіе, и лоттерея, и личное расположеніе, и произволь профессоръ, и обманъ студентовъ. Не знаю, какъ испытывали это устройства университетовъ съ ихъ экзаменами, но какъ мнѣ показываетъ здравый смыслъ, какъ я не разъ испытывалъ это и какъ соглашались со мной многіе и многіе, — экзамены не могутъ служить мѣриломъ знаній, а служатъ только поприщемъ для грубаго произвола профессоровъ и для грубаго обмана со стороны студентовъ. Я держалъ три экзамена въ моей жизни: первый годъ я былъ не перепущенъ изъ перваго на второй курсъ профессоромъ Русской Исторіи, поссорившимся передъ тѣмъ съ моими домашними, не смотря на то, что я не пропустилъ ни одной лекціи и зналъ Русскую Исторію; кромѣ того, за единицу въ нѣмецкомъ языкѣ, поставленную тѣмъ же профессоромъ, не смотря на то, что я зналъ нѣмецкій языкъ несравненно лучше всѣхъ студентовъ нашего курса. Въ слѣдующемъ году я изъ Русской Исторіи получилъ 5, потому что, поспоривъ съ студентомъ-товарищемъ у кого лучше память, мы выучили по одному вопросу наизусть и мнѣ достался на экзаменѣ тотъ самый вопросъ, который я выучилъ, какъ теперь помню—біографія Мазепы. Это было въ 45 году. Въ 48

году я держалъ экзаменъ на кандидата въ петербургскомъ университетѣ, и буквально ничего не зналъ, и буквально началъ готовиться за недѣлю до экзамена. Я не спалъ ночи и получилъ кандидатскіе балы изъ гражданского и уголовного права, готовясь изъ каждаго предмета не болѣе недѣли. Въ нынѣшнемъ, 62 году, я зналъ студентовъ, кончающихъ курсъ и начинающихъ готовиться къ предмету за недѣлю передъ экзаменомъ. Въ нынѣшнемъ же году, я знаю, что четверо-курсники поддѣлывали билеты, знаю, что одинъ профессоръ поставилъ студенту 3, а не 5, за то, что студентъ позволилъ себѣ улыбнуться. Профессоръ замѣтилъ ему: «намъ можно улыбаться, а вамъ нельзя», и поставилъ 3.

Надѣюсь, что никто не приметъ приведенные случаи за исключеніе. Всякій, знающій университеты, знаетъ, что приведенные случаи составляютъ правило, а не исключеніе, что иначе быть не можетъ. Если же кто сомнѣвается, то мы можемъ привести миллионы случаевъ. Найдутся изобличители и съ подписью фамилій по министерству народнаго просвѣщенія, какъ нашлись по министерству внутреннихъ дѣлъ и юстиціи. Что было въ 48, то и въ 62, то будетъ и въ 72, пока организація останется таже. Уничтоженіе мундировъ и переводныхъ экзаменовъ, ни на волосъ не помогаютъ дѣлу свободы, это новыя заплаты на старыя платья, только разрушающія старое платье. Вино новое не вливаютъ въ мѣхи старыя. Я льщу себя надеждой, что даже защитники университетовъ скажутъ: «Да, это правда, или правда отчасти. Но вы забываете, что есть студенты съ любовію слѣдящіе за лекціями и для которыхъ вовсе не нужны экзамены и главное — вы забываете образовательное вліяніе университетовъ» Нѣтъ, я не забываю ни того ни другаго: о первыхъ—о студентахъ самостоятельно работающихъ—скажу, что для нихъ не нужны университеты съ ихъ организаціей, имъ нужны только пособія—библіотека, не лекціи, которыя бы они могли слушать, а бесѣды съ руководителями. Но и для этого меньшинства едва ли дадутъ университеты знанія, соотвѣтственныя ихъ средѣ, если только они не хотятъ быть литераторами или профессорами. Главное же и это меньшинство подпадетъ тому вліянію, которое называется обра-

зовательнымъ, и которое я называю развращающимъ, вліяніемъ университетовъ. Второе же возраженіе объ образовательномъ вліяніи университетовъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя основаны на вѣрѣ и прежде всего должны быть доказаны. Кто и чѣмъ доказалъ, что университеты имѣютъ это образовательное вліяніе, откуда вытекаетъ это таинственное образовательное вліяніе? Общія съ профессорами нѣтъ,—нѣтъ вытекающихъ изъ него довѣрія и любви; есть, въ большинствѣ случаевъ, боязнь и недовѣріе. Новаго, чего-нибудь такого, чего не могутъ узнать изъ книгъ студенты, они не узнаютъ отъ профессоровъ. Образовательное вліяніе лежитъ, стало быть, въ обществѣ молодыхъ людей, занятыхъ однимъ и тѣмъ же? Безъ сомнѣнія; но заняты они большей частью не наукой, какъ вы думаете, а приготовленіемъ къ экзаменамъ, обманомъ профессоровъ, либеральничаніемъ и всѣмъ тѣмъ, что вселяется обыкновенно въ людей оторванныхъ отъ среды, семьи, и искусственно соединенныхъ вмѣстѣ посредствомъ духа товарищества, возведеннаго въ принципъ и доведеннаго до самодовольства, до самохвальства. Я не говорю объ исключеніи — о студентахъ, живущихъ въ семьяхъ, — они менѣе подчиняются образовательному, т. е. развращающему вліянію студентства; не говорю и о тѣхъ рѣдкихъ исключеніяхъ, преданныхъ съ молодости наукѣ людямъ, которые за постояннымъ трудомъ тоже не вполне подчиняются этому вліянію. И въ самомъ дѣлѣ, люди готовятся для жизни, для труда; каждый трудъ требуетъ, кромѣ привычки къ нему, порядка, правильности, и главное—умѣнья жить и обращаться съ людьми. Посмотрите, какъ сынъ крестьянина пріучается быть хозяиномъ, сынъ дьячка, читая на клиросѣ, быть дьячкомъ, сынъ киргизца - скотовода быть скотоводомъ; онъ смолоду уже становится въ прямые отношенія съ жизнью, съ природой и людьми, смолоду учится плодотворно, работая, и учится обеспеченный съ матеріальной стороны жизни, т. е. обеспеченный кускомъ хлѣба, одеждой и помѣщеніемъ,— и посмотрите на студента, оторваннаго отъ дома, отъ семьи, брошеннаго въ чужой городъ, наполненный искушеніями для его молодости, безъ средствъ къ жизни (потому что средства рассчитываются родителями только на необходимое, а всё уxo-

дять на увлеченіе), въ кругу товарищей, своимъ обществомъ только усиливающимъ его недостатки, безъ руководителей, безъ цѣли, отставъ отъ стараго и не приставъ къ новому. Вотъ положеніе студента за малыми исключеніями. Изъ нихъ выходитъ то, что должно выходить: или чиновники, только удобные для правительства, или чиновники-профессора, или чиновники-литераторы, удобные для общества, или люди безцѣльно оторванные отъ прежней среды, съ испорченною молодостію и ненаходящіе себѣ мѣста въ жизни, такъ называемые люди *университетскаго образованія*, развитые, т. е. раздраженные, больные либералы. Университетъ есть первое и главное наше воспитательное заведеніе. Онъ первый присвоиваетъ себѣ право воспитанія и первый по результатамъ, которыхъ достигаетъ, доказываетъ незаконность и невозможность воспитанія. Только съ точки зрѣнія общественной можно оправдывать плоды университета. Университетъ готовитъ не такихъ людей, какихъ нужно человечеству, а какихъ нужно испорченному обществу.

Курсъ конченъ. Я предполагаю своего воображаемаго воспитанника однимъ изъ лучшихъ воспитанниковъ во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ пріѣзжаетъ въ семью; ему всѣ чужіе — и отецъ, и мать, и родные. Онъ не вѣритъ ихъ вѣрою, онъ не желаетъ ихъ желаніями, онъ молится не ихъ Богу, а другимъ кумирамъ. Отецъ и мать обмануты, и сынъ часто желаетъ съ ними слиться въ одну семью, но уже не можетъ. То, что я говорю, не есть фраза, не есть фантазія. Я знаю очень многихъ студентовъ, вернувшихся въ свою семью, которые часто оскорбляли вѣрованія своихъ родныхъ, которые почти во всѣхъ убѣжденіяхъ — о бракѣ, о чести, о торговлѣ — расходились съ своей семьей. Но дѣло сдѣлано и родители утѣшаютъ себя мыслью, что такой вѣкъ *нынче*, и что *нынѣшнее* образованіе таково, что не въ ихъ средѣ; но по крайней мѣрѣ, самъ по себѣ, ихъ сынъ сдѣлаетъ себѣ карьеру, найдетъ свои средства существовать и даже помогать имъ и посвоему будетъ счастливъ. Къ несчастію, въ 9 случаяхъ изъ 10, и тутъ родители ошибаются. Кончивши курсъ, студентъ не знаетъ куда приклонить голову. Странное дѣло! — тѣ свѣдѣнія, которыя онъ пріобрѣлъ, никому не нужны, никто за

нихъ ничего не даетъ. Единственное приложеніе ихъ въ литературѣ и въ педагогикѣ, т. е. въ наукѣ образоватъ опять такихъ же ненужныхъ людей. Странное дѣло! — образованіе рѣдко въ Россіи, слѣдовательно оно должно бы было быть дорого, высоко цѣнимо. А на дѣлѣ выходитъ наоборотъ. Машинисты намъ нужны, у насъ ихъ мало, и машинистовъ выписываютъ изъ всей Европы и платятъ имъ дорого; отчего же, образованные университетски (образованныхъ людей у насъ мало) говорятъ, что они нужны, а мы не только ими не дорожимъ, но имъ дѣваться некуда? Отчего человѣкъ, кончившій курсъ у плотника, каменщика и штукатура, получаетъ сейчасъ и вездѣ 15 — 17 р., если онъ работникъ, и въ мѣсяцъ 25, если онъ мастеръ, рядчикъ, — а студентъ радъ, если онъ получить десять (я исключаю литературу и чиновничество, а говорю о томъ, что можетъ получить студентъ въ практической дѣятельности)? Отчего помѣщики, оставшіеся теперь при земляхъ, которыя надо сдѣлать производительными, платятъ 300—500 р. мужикамъ-бурмистрамъ, а не платятъ и 200 р. студентамъ-камералистамъ и естественникамъ? Отчего на желѣзныхъ дорогахъ рядчики-мужики завѣдываютъ тысячами рабочихъ, а не студенты? Отчего, если студентъ и получаетъ мѣсто съ хорошимъ жалованіемъ, то получаетъ его не за знанія, пріобрѣтенныя въ университетѣ, а за знанія пріобрѣтенныя послѣ? Отчего юристы-студенты дѣлаются офицерами, а математики и естественники чиновниками? Хлѣбопашецъ, проживя годъ въ довольствѣ, приноситъ домой 50—60 р., а студентъ, проживя годъ, оставляетъ 100 р. долгу? Отчего народъ платитъ народному учителю 8, 9, 10 р. въ мѣсяцъ, все равно будетъ ли онъ изъ дьячковъ или студентовъ? Отчего купецъ не беретъ въ прикащики, не женитъ на своей дочери и не принимаетъ въ домъ студента, а мальчика изъ крестьянъ? Оттого скажутъ мнѣ, что общество не умѣетъ еще цѣнить образованія, оттого, что студентъ-учитель не станеть бить дѣтей, студентъ-управляющій не станеть обманывать рабочихъ, закабалать ихъ задатками, студентъ-купецъ не станеть обмѣривать и обвѣшивать, оттого что плоды образованія не такъ ощутительны, какъ плоды рутинны у невѣжества. Это очень можетъ быть, отвѣчу

я, хотя наблюденія показываютъ мнѣ противное. Студентъ или вовсе не умѣетъ вести дѣло ни честно, ни безчестно, или если умѣетъ, то ведетъ дѣло только сообразно съ своею природою, съ тѣмъ общимъ строемъ нравственныхъ привычекъ, который выработала въ немъ жизнь независимо отъ школы. Я знаю одинаковое число честныхъ студентовъ и нестудентовъ, и наоборотъ. Но положимъ даже, что университетское образование развиваетъ чувство справедливости въ человѣкѣ, и что вслѣдствіе этого необразованные люди предпочитаютъ студентамъ необразованныхъ же людей, и цѣнятъ ихъ выше студентовъ. Положимъ что это такъ; почему же мы, такъ-называемые, образованные люди и имѣющіе средства, дворяне, литераторы, профессора, не можемъ никуда употребить студентовъ, кромѣ какъ на службу. Я не говорю о службѣ на томъ основаніи, что служебное вознагражденіе не можетъ быть принято мѣриломъ заслугъ и знаній. Каждому извѣстно, что студентъ, отставной офицеръ, промотавшійся помѣщикъ, иностранецъ и др., какъ только имъ почему-нибудь нужно пріобрѣсти средства къ жизни, ѣдутъ въ столицу и, по мѣрѣ связей и степени требованій, получаютъ мѣсто въ администраціи, или если не получаютъ, то считаютъ себя оскорбленными. Я потому не говорю о вознагражденіи служебномъ; но спрашиваю, почему тотъ же самый профессоръ, который давалъ образованіе студентамъ, даетъ 15 р. въ мѣсяцъ дворнику или 20 р. плотнику, а пришедшему къ нему студенту говорить, что онъ очень жалѣетъ, что не можетъ ему дать мѣста, кромѣ *похлопотать* у чиновниковъ, или предлагаетъ ему 10 р. за мѣсто переписчика или корректора по издаваемому сочиненію, предлагаетъ ему такое мѣсто, въ которомъ приложимы только знанія вынесенныя изъ уѣзднаго училища — умѣнье писать. Мѣсть же, гдѣ бы была приложима исторія римскаго права, греческая литература и интегральное счисленіе—нѣтъ и не можетъ быть.

И такъ, въ большей части случаевъ, вернувшійся къ отцу сынъ изъ университета, не оправдываетъ надеждъ родителей и чтобы не стать бременемъ для семейства, долженъ занять мѣсто, въ которомъ нужно только умѣть писать и въ которомъ онъ становится въ конкуренцію со всеми русскими грамотными. Од-

намъ преимуществомъ остается чинъ, но только для службы, въ которой большее значеніе имѣютъ связи и другія условія; другимъ преимуществомъ является либерализмъ ни къ чему неприложимый. Мнѣ кажется, что пропорція людей изъ университета, занимающихъ внѣ службы мѣста съ хорошимъ вознагражденіемъ, будетъ необычайно мала. Вѣрныя статистическія свѣдѣнія о дѣятельности вышедшихъ студентовъ были бы важнымъ матеріаломъ для науки объ образованіи и, я убѣжденъ, доказали бы математически ту истину, которую я стараюсь выяснитъ только по предположеніямъ и по имѣющимся даннымъ,—истину, что люди университетскаго образованія мало нужны и направляютъ свою дѣятельность преимущественно на литературу и педагогику, т. е. на повтореніе того жъ вѣчнаго круга образованія, такихъ же ненужныхъ для жизни людей.

Но я не предвидѣлъ одного возраженія или скорѣе источника возраженій, естественно представляющагося у большинства моихъ читателей: почему то-же самое высшее образованіе, которое оказывается столь плодотворнымъ въ Европѣ, было бы не приложимо у насъ? Европейскія общества образованнѣе русскаго общества, почему и русскому обществу не идти тѣмъ же путемъ, которымъ шли европейскіе народы? Возраженіе это было бы неопровержимо, если бы было доказано впервыхъ, что тотъ путь, по которому шли европейскіе народы, есть наилучшій путь, вовторыхъ, что все человѣчество идетъ одинаковымъ путемъ, и втретьихъ, что образованіе наше прививается народу. Весь востокъ образовывался и образовывается совершенно иными путями, чѣмъ европейское человѣчество. Если бы было доказано, что молодое животное — волкъ или собака воспитаны мясомъ и доведены этимъ путемъ до полного развитія, развѣ я имѣлъ бы право заключить, что, воспитывая молодую лошадь или зайца, я не могу ихъ довести до полного развитія иначе какъ посредствомъ мяса. Развѣ изъ этихъ противоположныхъ опытовъ я бы могъ заключить наконецъ, что воспитывая молодого медвѣдя, ему необходимо либо мясо, либо овесъ. Опытъ бы показалъ мнѣ, что для него необходимо и то и другое. Если мнѣ и кажется, что естественнѣе образованіе мяса посредствомъ мяса и если прежніе опыты подтвержда-

ють мое предположеніе, я не могу продолжать давать мяса жеребенку, если онъ всякой разъ выбрасываетъ его и организмъ его не асимилируетъ эту пищу. Точно то же происходитъ съ европейскимъ, какъ по формѣ, такъ и по содержанію, образованіемъ, которое перенесено на нашу почву. Организмъ русскаго народа не асимилируетъ его, а вмѣстѣ съ тѣмъ должна быть другая пища, поддерживающая его организмъ, ибо онъ живетъ. Эта пища кажется намъ не пищею, какъ трава для хищнаго животнаго, а между тѣмъ исторически-физиологическій процессъ совершается и эта непризнаваемая нами пища асимилируется организмомъ народа и огромное животное крѣпнетъ и вырастаетъ.

Резюмируя все сказанное выше, мы приходимъ къ слѣдующимъ положеніямъ:

- 1) Образованіе и воспитаніе суть два различныя понятія.
- 2) Образованіе—свободно и потому законно и справедливо; воспитаніе — насильственно и потому незаконно и несправедливо,— не можетъ быть оправдываемо разумомъ и потому не можетъ быть предметомъ педагогики.
- 3) Воспитаніе, какъ явленіе, имѣетъ свое начало а) въ семьѣ, б) въ вѣрѣ, с) въ правительствѣ, д) въ обществѣ.
- 4) Семейныя, религіозныя и правительственныя основанія воспитанія естественны и имѣютъ за себя оправданіе необходимости; общественное же воспитаніе не имѣетъ основаній, кромѣ гордости человѣческаго разума, и потому приноситъ самыя вредныя плоды,—каковы университеты и университетское образованіе.

Только теперь, разъяснивъ отчасти нашъ взглядъ на образованіе и воспитаніе и опредѣливъ границы того и другаго, мы можемъ отвѣтить на вопросы, становимые г. Глѣбовымъ, въ журналѣ «Воспитаніе», 1862 г., № 5, вопросы первые и естественно представляющіеся при серьезномъ вникновеніи въ дѣло образованія:

- 1) *Чѣмъ должна быть школа, если она не должна вмѣшиваться въ дѣло воспитанія?*
- 2) *Что значитъ невмѣшательство школы въ дѣло воспитанія?*

и 3) *Возможно-ли отдѣлять воспитаніе отъ ученія, особенно первоначальнаго, к да воспитательный элементъ вносится въ молодые умы даже и въ высшихъ школахъ?*

(Мы уже объяснили, что форма высшихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ вносится воспитательный элементъ, нисколько не служить для насъ образцомъ. Мы отрицаемъ порядокъ высшихъ учебныхъ заведеній не только также, какъ и низшихъ, но видимъ въ нихъ начало всего зла).

Чтобы отвѣтить на постановленные вопросы, мы только перестановимъ ихъ: 1) что значить невмѣшательство школы въ воспитаніе, 2) возможно-ли такое невмѣшательство и 3) чѣмъ, при невмѣшательствѣ въ воспитаніе, должна быть школа?

Во избѣжаніе недоразумѣній, я долженъ прежде объяснить, что я разумѣю подъ словомъ школа, которое я въ томъ же смыслѣ употреблялъ въ первой статьѣ 1 № журнала «Ясная-Поляна». Подъ словомъ школа я разумѣю не домъ, въ которомъ учатся, не учителей, не учениковъ, не извѣстное направленіе ученія,—но подъ словомъ школа я разумѣю, въ самомъ общемъ смыслѣ, *сознательную дѣятельность образовывающую на образовывающихся*, т. е. одну часть образованія, все равно, какъ бы не выражалась эта дѣятельность: ученіе артикулу рекрутовъ есть школа, чтеніе публичныхъ лекцій — школа, чтеніе курса въ магометанскомъ училищѣ—школа, собраніе музеума и открытіе его для желающихъ—также школа. Отвѣчаю на первый вопросъ. Невмѣшательство школы въ дѣло образованія значить невмѣшательство школы въ образованіе (формированіе) въ-рваній, убѣжденій и характера образовывающагося. Достигается же это невмѣшательство предоставленіемъ образовывающемуся полной свободы воспринимать то ученіе, которое согласно съ его требованіемъ, которое онъ хочетъ, и воспринимать настолько, насколько ему нужно, на сколько онъ хочетъ, и уклоняться отъ того ученія, которое ему не нужно и котораго онъ не хочетъ.

Публичныя лекціи, музеумы суть лучшіе образцы школъ безъ вмѣшательства въ воспитаніе. Университеты суть образцы школъ съ вмѣшательствомъ въ дѣло воспитанія. Въ этихъ заведеніяхъ ученики связаны опредѣленнымъ курсомъ,

программою, сводомъ избранныхъ наукъ, связаны требованіемъ экзаменовъ и преимущественно основанныхъ на нихъ, т. е. на экзаменахъ, предоставленіемъ правъ, или, что будетъ вѣрнѣе, лишеніемъ правъ въ случаѣ несоблюденія предписанныхъ условій. (Студентъ 4-го курса, держащій экзаменъ, находится подъ угрозою одного изъ самыхъ тяжелыхъ наказаній—потери 10 или 12-лѣтнихъ гимназическихъ, университетскихъ лишеній и отнятія тѣхъ выгодъ, въ виду которыхъ онъ переносилъ 12-лѣтнія лишенія). Въ этихъ заведеніяхъ все придумано такъ, чтобы ученикъ, подъ угрозою наказанія, принималъ на себя въ образованіи тотъ воспитательный элементъ и усваивалъ тѣ вѣрованія, тѣ убѣжденія и тотъ характеръ, который нуженъ учредителямъ заведенія. Принудительный воспитательный элементъ, состоящій въ исключительномъ выборѣ одного круга наукъ и въ угрозахъ наказанія, столь-же силенъ и очевиденъ для серьезнаго наблюдателя, какъ и въ томъ заведеніи съ тѣлесными наказаніями, которое поверхностные наблюдатели ставятъ въ противоположность университетамъ.

Публичныя лекціи, число которыхъ постоянно возрастаетъ въ Европѣ и Америкѣ, наоборотъ, не только не обязываютъ къ извѣстному кругу знаній, не только не требуютъ вниманія къ себѣ подъ угрозою наказанія, но требуютъ отъ учащихся еще извѣстныхъ жертвованій, чѣмъ самымъ доказываютъ, въ противоположность первымъ, совершенную свободу выбора и основаній, на которыхъ онѣ строятся. Вотъ что значитъ вмѣшательство и невмѣшательство школы въ воспитаніе. Если мнѣ скажутъ, что такое невмѣшательство, возможное для высшихъ заведеній и взрослыхъ людей, невозможно для низшихъ и малолѣтнихъ, потому что мы не видимъ тому примѣровъ—публичныхъ лекцій для дѣтей и т. п.,—я отвѣчу, что если мы не станемъ слишкомъ частно понимать слово школа, а примемъ его въ вышеприведенномъ опредѣленіи, то мы для низшей степени знанія и для низшихъ возрастовъ найдемъ много свободно-образовательныхъ вліяній безъ вмѣшательства въ воспитаніе, соответствующихъ высшимъ заведеніямъ и публичнымъ лекціямъ. Таковы выучиваніе грамотъ отъ товарищей и братьевъ, таковы народныя дѣтскія игры, объ образовательномъ влія-

ни которыхъ мы намѣрены помѣстить статью въ одномъ изъ будущихъ номеровъ, таковы публичныя зрѣлища, райки и т. п., таковы картины и книги, таковы сказки и пѣсни, таковы работы и таковы, наконецъ, попытки яснополянской школы.

Отвѣтъ на первый вопросъ даетъ отчасти отвѣтъ и на второй:—возможно ли такое невмѣшательство? Теоретически доказать эту возможность нельзя. Одно подтверждающее эту возможность, есть наблюдение, доказывающее, что люди вовсе невоспитанные, т. е. подлежавшіе однимъ свободно-образовательнымъ вліяніямъ, люди народа — свѣжѣе, сильнѣе, могучѣе, самостоятельнѣе, справедливѣе, человѣчнѣе и главное—нужнѣе людей, какъ бы то ни было воспитанныхъ. Но можетъ быть и это положеніе для многихъ требуетъ доказательства. О доказательствахъ этихъ мнѣ еще придется говорить многое. Приведу только одно. Почему зоологически не улучшается поколѣніе воспитываемыхъ? Порода воспитываемыхъ животныхъ улучшается; порода воспитываемыхъ людей ухудшается и ослабѣваетъ. Возьмите на удачу сотню дѣтей отъ нѣсколько воспитанныхъ поколѣній и сотню невоспитанныхъ дѣтей народа и сравните ихъ въ чемъ хотите: въ силѣ, ловкости, умѣ, способности воспринимать, въ нравственности, даже и во всѣхъ отношеніяхъ громадное преимущество поражаетъ васъ на сторонѣ дѣтей невоспитанныхъ поколѣній и тѣмъ болѣе будетъ преимуществъ, чѣмъ будетъ ниже возрастъ, и наоборотъ. Это страшно сказать по выводамъ, на которые оно наводитъ, но оно такъ. Окончательно же доказать эту возможность невмѣшательства въ низшихъ школахъ для людей, которыхъ личный опытъ и внутреннее чувство ничего не говорятъ въ пользу такого мнѣнія, можно только добросовѣстнымъ изученіемъ тѣхъ свободныхъ вліяній, посредствомъ которыхъ образовывается народъ, всестороннимъ обсужденіемъ вопроса и длиннымъ рядомъ опытовъ и отчетовъ о нихъ.

3) Чѣмъ же должна быть школа при невмѣшательствѣ въ дѣло воспитанія? Школа, какъ сказано выше, есть сознательная дѣятельность образовывающаго на образовывающихся. Какъ ему дѣйствовать, чтобы не приступить предѣловъ образованія, т. е. свободы? Отвѣчаю: школа должна имѣть одну цѣль — це-

редачу свѣдѣній, знанія (instruction), не пытаюсь переходить въ нравственную область убѣжденій, вѣрованій и характера; цѣль ея должна быть одна — наука, а не результаты ея вліянія на человѣческую личность. Школа не должна пытаться предвидѣть послѣдствій, производимыхъ наукой, а передавая ее, должна предоставлять полную свободу ея примѣненія. Школа не должна считать ни одну науку, ни цѣлый сводъ наукъ, необходимыми, а должна передавать тѣ знанія, которыми владѣеть, предоставляя учащимся право воспринимать или не воспринимать ихъ. Устройство и программы школы должны основываться не на теоретическомъ воззрѣніи, не на убѣжденіи въ необходимости такихъ-то и такихъ-то наукъ, а на одной возможности, т. е. на знаніяхъ учителей. Объясняюсь примѣромъ. Я желаю учредить учебное заведеніе. Я не составляю программы, основанной на своихъ теоретическихъ воззрѣніяхъ, и на основаніи этой программы прискиваю учителей, но предлагаю всѣмъ людямъ, чувствовавшимъ призваніе къ сообщенію знаній, читать тѣ уроки или лекціи, какіе они могутъ. Само собою разумѣется, что прежній опытъ будетъ руководить насъ въ выборѣ этихъ уроковъ, т. е. въ томъ, что мы уже не будемъ пробовать преподаваніе тѣхъ предметовъ, которые неохотно слушаются, мы не станемъ въ русской деревнѣ читать испанскій языкъ, астрологію или географію, точно также какъ въ этой же деревнѣ купецъ не откроетъ лавки хирургическихъ инструментовъ или кринолинъ. Мы можемъ предвидѣть требованія на наше предложеніе; но окончательный судья нашъ будетъ только опытъ и мы не считаемъ себя въ правѣ открыть ни одной лавки, въ которой бы мы продавали деготь только съ тѣмъ условіемъ, чтобы у насъ брали на 10 ф. дегтю фунтъ имбирю или помады. Мы не заботимся о томъ, какое употребленіе изъ нашихъ товаровъ будутъ дѣлать потребители, мы вѣримъ, что они знаютъ что имъ нужно, и для насъ достаточно труда угадать ихъ потребность и только отвѣчать на нее. Очень можетъ быть, что найдется одинъ учитель зоологіи, одинъ учитель средней исторіи, одинъ—Закона Божія и одинъ топографическаго искусства. Если эти учителя будутъ въ состояніи сдѣлать свои уроки занимательными, уроки эти будутъ полезны не

смотря на свою кажущуюся несоответственность и случайность. Я не вѣрю въ возможность теоретически придуманнаго гармоническаго свода наукъ, но вѣрю въ то, что каждая наука, при свободномъ ея преподаваніи, гармонически укладывается въ сводъ знаній каждаго человѣка. Скажутъ, можетъ быть, что при такой случайности программы могутъ войти въ курсъ безполезныя, даже вредныя, науки, и что многія науки невозможно будетъ преподавать, потому что ученики недостаточно для нихъ приготовлены. На это отвѣчу, во-первыхъ, что вредныхъ и безполезныхъ наукъ нѣтъ, для кого бы то ни было, и что есть здравый смыслъ и потребность учениковъ, которые при свободѣ ученія не допустятъ безполезныя или вредныя науки, если бы такія были; во вторыхъ, что подготовленные ученики нужны для дурнаго учителя, для хорошаго же легче начинать алгебру или аналитическую геометрію съ ученикомъ, не знающимъ ариѳметики, чѣмъ съ ученикомъ плохо знающимъ ея, легче читать среднюю исторію ученикамъ, не учившимъ наизусть древней. Я не вѣрю, чтобы профессоръ, читающій въ университетѣ дифференціалы и интегралы, и исторію русскаго гражданскаго права, и который не можетъ читать ариѳметику и русскую исторію въ первоначальной школѣ,—я не вѣрю, чтобы онъ былъ хорошій профессоръ. Я не вижу пользы и заслуги и даже возможности въ хорошемъ преподаваніи одной части предмета. Главное же я убѣжденъ, что предложеніе будетъ отвѣчать всегда на требованіе, что на каждой ступени наукъ будетъ достаточное число и учениковъ, и учителей.

Но какъ же, скажутъ мнѣ, образовывающему не желать, посредствомъ своего преподаванія, произвести извѣстное воспитательное вліяніе? Стремленіе это самое естественное, оно лежитъ въ естественной потребности при передачи знанія образовывающаго образовывающемуся. Стремленіе это только придаетъ образовывающему силы заниматься своимъ дѣломъ, даетъ ту степень увлеченія, которая для него необходима. Отрицать это стремленіе невозможно, и я объ томъ никогда не думалъ; существованіе его только сильнѣе доказываетъ для меня необходимость свободы въ дѣлѣ преподаванія. Нельзя запретить человѣку любящему и читающему исторію, пытаться це-

передать своимъ ученикамъ то историческое воззрѣніе, которое онъ имѣетъ, которое онъ считаетъ полезнымъ, необходимымъ для развитія человѣка, передать тотъ методъ, который учитель считаетъ лучшимъ при изученіи математики или естественныхъ наукъ, напротивъ, это предвидѣніе воспитательной цѣли поощряетъ учителя. Но дѣло въ томъ, что воспитательный элементъ науки не можетъ передаваться насильственно. Не могу достаточно обратить вниманіе читателя на это обстоятельство. Воспитательный элементъ, положимъ въ исторіи, въ математикѣ, передается только тогда, когда учитель страстно любитъ и знаетъ свой предметъ; тогда только любовь эта сообщается ученикамъ и дѣйствуетъ на нихъ воспитательно. Въ противномъ же случаѣ, т. е. когда гдѣ-то рѣшено, что такой-то предметъ дѣйствуетъ воспитательно и однимъ предписано читать, а другимъ слушать, преподаваніе достигаетъ совершенно противоположныхъ цѣлей, т. е., не только не воспитываетъ научно, но отвращаетъ отъ науки. Говорятъ, наука носитъ въ себѣ воспитательный элементъ (*erziehliges Element*)—это справедливо и несправедливо, и въ этомъ положеніи лежитъ основная ошибка существующаго парадоксальнаго взгляда на воспитаніе. Наука есть наука, и ничего не носитъ въ себѣ. Воспитательный же элементъ лежитъ въ преподаваніи наукъ, въ любви учителя къ своей наукѣ и въ любовной передачи ея, въ отношеніи учителя къ ученику. *Хочешь наукой воспитать ученика, люби свою науку и знай ее, и ученики полюбятъ и тебя, и науку, и ты воспитаешь ихъ; но самъ не любишь ее, то сколько бы ты ни заставлялъ учить, наука не произведетъ воспитательнаго вліянія.* И тутъ опять одно мѣрило, одно спасеніе, опять таже свобода учениковъ слушать или не слушать учителя, воспринимать или не воспринимать его воспитательное вліяніе, т. е. имъ однимъ рѣшить, знаетъ ли онъ и любитъ ли свою науку.

И такъ, чѣмъ же будетъ школа при невмѣшательствѣ въ воспитаніе?

Всестороннеей и самой разнообразной сознательной дѣятельностью одного человѣка на другаго, съ цѣлью передачи знаній (*instruction*), не принуждая учащагося ни прямо насильственно, ни дипломатически воспринимать то, что намъ хочется. Школа

не будетъ можетъ быть школа, какъ мы ее понимаемъ, — съ досками, лавками, кафедрами учительскими или профессорскими, — она можетъ быть будетъ раекъ, театръ, библіотека, музей, бесѣда, — сводъ наукъ, программы, можетъ быть вездѣ сложатся совсѣмъ другія. (Я знаю только свой опытъ: яснополянская школа съ тѣмъ подраздѣленіемъ предметовъ, которые я описывалъ, въ продолженіи полугода, частью по требованіямъ учениковъ и ихъ родителей, частью по недостаточности свѣдѣній учителей, въ полгода совершенно измѣнилась и приняла другія формы).

Но что же намъ дѣлать? Неужели такъ и не будетъ уѣздныхъ училищъ, такъ и не будетъ гимназій, не будетъ кафедры исторіи римскаго права! Что же станется съ человѣчествомъ? — слышу я. Такъ и не будетъ, коли ихъ не понадобится ученикамъ и вы не съумѣете ихъ сдѣлать хорошими. Но вѣдь дѣти не всегда знаютъ что имъ нужно, дѣти ошибаются и т. д. — слышу я. Я не въ хожу въ такой споръ. Этотъ споръ привелъ бы насъ къ вопросу: права ли передъ судомъ чловѣка природа чловѣка? и проч. Я этого не знаю и на это поприще не становлюсь, я только говорю, что если мы можемъ знать чему учить, то не мѣшайте мнѣ учить насильно русскихъ дѣтей французскому языку, средневѣковой генеалогіи, и искусству красть. Я все докажу также какъ и вы. Такъ и не будетъ гимназій и латинскаго языка! Что же я буду дѣлать? опять слышу я.

Не бойтесь, будетъ и латинь, и реторика, будутъ еще сотню лѣтъ и будутъ только потому, что лѣкарство куплено, надо его выпить (какъ говорилъ одинъ больной). Едвали еще черезъ сто лѣтъ, мысль, которую я, можетъ быть, неясно, неловко, неубѣдительно выражаю, сдѣлается общимъ достояніемъ; едвали черезъ сто лѣтъ, отживуть всѣ готовыя заведенія — училища, гимназій, университеты, и выростутъ свободно сложившіяся заведенія, имѣющія своимъ основаніемъ свободу учащагося поколѣнія.

Л. Толстой.

2 Юля.

ОПИСАНІЕ ОДНОЙ ИЗЪ ШКОЛЬ ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Поселившись въ деревнѣ лѣтъ шестнадцать тому назадъ, я почти постоянно мечтала о томъ какъ бы завести хоть маленькую школу. Я вполне сознавала необходимость позаботиться объ образованіи дѣвочекъ, но не имѣя никакихъ матеріальныхъ средствъ, не умѣя пользоваться утѣшительнымъ вѣрованіемъ въ помощь Божію, я оставалась при однихъ мечтахъ и ничего не дѣлала.

Три года тому назадъ, узнавши случайно, что мальчиковъ, умѣющихъ читать и писать, отдають учиться счету къ отставному солдату, который обучалъ ихъ не столько ариѳметики, сколько воровству, пьянству и всему дурному, я рѣшилась предложить свои услуги учить ариѳметики и назначила два часа въ недѣлю. Изъ числа двѣнадцати мальчиковъ, которые явились ко мнѣ учиться, двое знали четыре правила ариѳметики, но ничего не умѣли примѣнить къ дѣлу; читали же все безъ исключенія довольно бѣгло, но ни понимали рѣшительно ничего. Привычка читать безъ всякой мысли была такова, что одинъ мальчикъ, добившись, наконецъ, что онъ прочелъ: «Вася игралъ въ лошадки съ своей сестрой Катей,» громко за-емѣлся и съ удивленіемъ сказалъ: «да вѣдь тутъ просто такъ и сказано: Вася игралъ въ лошадки и т. д.» — Писать нѣкоторые умѣли только свою пропись, а нѣкоторые могли и сами

написать сказанное слово. Каждый изъ нихъ провелъ въ учении отъ 3 до 4 лѣтъ.

Рѣшившись воспользоваться случаемъ принести пользу этимъ мальчикамъ, я конечно не могла ограничиться тѣмъ, чтобы выучить ихъ только четыремъ правиламъ ариметики. Мальчики оказали столько желанія учиться, что вмѣсто одного часа по середамъ и суботамъ, я занималась съ ними по два часа и предложила имъ приходить еще по воскресеніямъ. Вскорѣ воскресные уроки сдѣлались любимыми. Я разказывала имъ Священную Исторію, читала съ ними Евангеліе, а при этомъ надо было толковать обо всемъ. Мнѣ приходилось жалѣть, что мои познанія слишкомъ ограничены и что я не въ силахъ дать объясненія на всѣ представлявшіеся вопросы. Бесѣды по воскресеніямъ продолжались иногда долѣ трехъ часовъ и только, когда я, утомленная, рѣшительно объявляла, что не могу говорить болѣе, ребята переставали приставать съ новыми вопросами. Выходя изъ моей комнаты, они спѣшили разказать все слышанное другимъ ребятамъ. Охотниковъ учиться являлось все болѣе, къ концу года число ихъ дошло до двадцати. Чтобы имѣть болѣе времени заняться съ каждымъ, я предложила нѣкоторымъ изъ нихъ приходить въ другіе дни и учиться вмѣстѣ съ моими дѣтьми. Въ настоящее время изъ всѣхъ двадцати первыхъ учениковъ у меня на будущую зиму останутся только двое: одни отданы обучаться ремесламъ, другіе въ лавки, а нѣкоторые трудятся вмѣстѣ съ отцами. Изъ послѣднихъ двое въ зимнее время занимаются обученіемъ другихъ мальчиковъ: у одного четыре ученика, у другаго восемь. Я съ большимъ удовольствіемъ вспоминаю объ этихъ первыхъ моихъ ученикахъ. Ихъ успѣхи придали мнѣ духу; имъ я обязана распространеніемъ моей дѣятельности. Ихъ разказы о нашихъ воскресныхъ бесѣдахъ все болѣе и болѣе возбуждали любопытство другихъ ребятъ. Сначала дворовыя дѣвочки начали просить позволенія присутствовать при воскресныхъ урокахъ; но такъ какъ въ двѣ зимы мальчики мои были на столько развиты, что этимъ новымъ, безграмотнымъ охотницамъ было бы мало проку слушать непонятныя для нихъ вещи, то я рѣшалась заниматься съ ними отдѣльно. Я

сказала дворовымъ дѣтямъ, чтобы они предложили слободскимъ ребятамъ приходиться вмѣстѣ съ ними. Въ первое же воскресенье явилось тридцать человѣкъ.

Первые ученики были большею частью изъ крестьянъ, послѣдніе всѣ изъ дворовыхъ и фабричныхъ. Не смотря на самое безтолковое заучиваніе наизусть, грамотность дала большое преимущество первымъ, да и жизнь крестьянскихъ ребятшекъ болѣе способствуетъ къ развитію: они съ самаго ранняго возраста начинаютъ принимать участіе въ самыхъ разнообразныхъ сельскихъ работахъ; послѣдніе-же, до двѣнадцати лѣтняго возраста, болтаются совершенно безо всякаго занятія и присмотра, а потомъ поступаютъ въ самую однообразную работу. Они поразили меня своей дикостью, своимъ непониманіемъ самыхъ простыхъ выраженій, безстыдствомъ, дживостью завистью и грубостью. Только три дѣвочки съ перваго же раза выказали чрезвычайную кротость, простодушіе и были такъ милы, что нельзя было не полюбить ихъ. Хотя дѣти, большею частью, были отъ десяти до тринадцати лѣтъ, но я должна была разговаривать съ ними какъ мы обыкновенно разговариваемъ съ нашими самыми маленькими дѣтьми, чтобы развить въ нихъ первыя понятія. Мѣсяца черезъ два, дѣвочки начали сами просить меня, чтобы я выучила ихъ читать. Оказалась возможность очистить двѣ небольшія комнаты во флигелѣ; сдѣлали большую черную доску, столы и нѣсколько скамеекъ. Пока не было у насъ буквъ и асидныхъ досокъ, я принялась готовить своихъ ученицъ къ первому началу. Мнѣ не было возможности удѣлать для занятія въ школѣ болѣе одного часа: воспитаніе своихъ дѣтей, занятія съ прежними учениками, обязанности хозяйки дома поглощали все мое время, такъ что на отдыхъ оставалось его очень не много. Въ началѣ меня тревожила мысль, что въ часъ времени ничего не сдѣлаешь; впоследствии я удостовѣрилась, что именно короткость урока поддерживала интересъ ученія въ большей части дѣтей.

Пока дѣти ходили ко мнѣ только по воскресеніямъ, родители или совѣмъ про это не знали, или смотрѣли очень равнодушно; нѣкоторые-же, какъ недавно признался мнѣ одинъ

изъ тятенекъ, смѣялись надо мной и говорили: «энъ, барынъ то нѣча дѣлать, такъ съ ребятами потѣшается,» но узнавъ, что дѣти каждый день будутъ ходить въ школу, большая часть родителей возстали противъ такой глупости.

— «Иное бы дѣло учить мальчишекъ,—ну, а дѣвкамъ на что время терять, когда они уже могутъ на фабрикѣ дѣлать клинышки! Работа не трудная, а все заработаютъ на хлѣбъ, да на одежку останется.»

Такъ разсуждали родители; но я объявила, что въ школу принимать буду только дѣвочекъ, а мальчиковъ буду учить только грамотныхъ. Все это я говорила только дѣтямъ, а изъ родителей никого даже и не видала. Нѣкоторыя дѣвочки со слезами сообщили мнѣ, что родители не позволяютъ имъ ходить въ школу, боясь, что онѣ потеряютъ много времени. Я предложила дѣтямъ упросить родителей попробовать только одну недѣлю, совѣтовала имъ постараться вознаграждать прилежаніемъ время потерянное въ школѣ и тѣмъ доказать родителямъ, что ученіе работѣ не помѣшаетъ. Нѣкоторые родители согласились: «хоть проку и мало будетъ въ этомъ ученіи, говорили старики,—потому что нѣтъ даже въ ребятахъ и страху никакого къ ученію,—ну, а все же лучше въ школу ходить, чѣмъ дурить, лишь бы работу не упустили.» Успѣхъ оказался совершенно удовлетворительнымъ; родители удосто- вѣрились что школа работѣ не мѣшаетъ и совсѣмъ перестали думать объ ней. Между тѣмъ я, желая начать учить звуковую методою, въ первый урокъ спросила: «знаете-ли вы что каждое слово состоитъ изъ звуковъ?» Они не поняли этого вопроса. Уже прежде, въ воскресныя бесѣды, я замѣтила что всѣ очень охотно слушаютъ мои простые разказы, но очень многіе не рѣшаются отвѣчать на самый обыкновенный вопросъ. Я старалась объяснить имъ, что нѣтъ никакой возможности чему нибудь научить ихъ, если они не рѣшатся говорить со мной. Убѣжденія мои мало дѣйствовали, надо было прибѣгнуть къ другимъ средствамъ,—я начала придумывать разныя игры. Большая часть дѣвочекъ не знали которая рука правая, которая лѣвая, не умѣли различать цвѣтовъ, не знали даже названій многихъ частей тѣла. Первая игра и была та-

каго рода: я спрашивала, кто скорѣе скажетъ какого цвѣта платокъ Маши? Дѣти кричали—кто красный, кто желтый, нѣкоторыя утверждали—синій. Я рѣшила споръ. Такимъ образомъ мы перебирали всѣ переднички, сарафанчики, рукавчики и наконецъ всѣ дѣти вѣрно называли каждый цвѣтъ.

Другая игра: я командую: «руки на столъ; правую руку вверхъ, лѣвую подъ столъ; правую руку къ лѣвому уху, лѣвую руку на темя и т. д.» Дѣти хохочуть, спорять и все-таки запоминаютъ новыя слова, новыя выраженія, привыкаютъ не стѣсняться.

Еще игра: назначается какое нибудь слово; я начинаю разказывать исторію и, когда скажу назначенное слово, всѣ, замѣтивши его, поднимаютъ руку. Сначала разказывала только я, потомъ начали вызываться охотницы разказать, и наконецъ опредѣлили разказывать той, которая, не разслушавъ слова, забудетъ поднять руку.

Внѣслѣдствіи, когда дѣвочки привыкли говорить со мною не стѣняясь, игры допускались только изрѣдка; но и теперь я два раза въ недѣлю употребляю по часу на разговоры съ ними. Предметами разговоровъ обыкновенно бываютъ событія нашего околodka: то случившійся пожаръ и его причины, то ссора двухъ мужиковъ, то какое нибудь воровство и тому подобное. Если же они не приносятъ матеріаловъ для разговора, то я разказываю или читаю. Читается обыкновенно глава изъ Евангелія, иногда и одинъ только стихъ, а тутъ уже пойдутъ разсужденія; потомъ читается изъ «Дѣтскаго міра,» иногда сказка Пушкина, иногда басня Крылова и т. п.—Если представится вопросъ, на который я не могу дать отвѣта, я откровенно признаюсь, что сама этого не понимаю, или, что объ этомъ судить не могу. Отвѣчаютъ дѣти на мои вопросы и разказываютъ обыкновенно всѣ вмѣстѣ; но если одинъ говоритъ складно, то прочія затихаютъ и слушаютъ его съ такимъ-же вниманіемъ какъ и меня. Конечно, отнимая такимъ образомъ время, самое обученіе грамотѣ идетъ гораздо медленнѣе, но за то, развивая умственныя способности, пріучая ихъ слышать и понимать языкъ почти незнакомый имъ, дѣти готовятъ къ дѣльному употребленію грамотности.

Быстрою усѣховъ мы не можемъ похвастать. Школу мы открыли прошлаго года въ концѣ марта мѣсяца. Страстную и святую недѣлю ученія не было, только приходили слушать разказы изъ Священной Исторіи. Къ концу мая дѣвочки знали только гласныя буквы. Объяснивъ, что значать слова: «состоить» и «звукъ» (а это стоило не малаго труда), я обратила ихъ вниманіе на то, что въ различныхъ словахъ слышатся одинакіе звуки и т. д.

Вскорѣ оказалось, что одной мнѣ не справиться съ двадцатью дѣвочками; одни запоминали скорѣе, съ другими надо было повторять все тоже. Тутъ двѣ дѣвицы предложили мнѣ свои услуги помогать въ школѣ. Ученіе пошло успѣшнѣе. Къ намъ поступило нѣсколько дѣвочекъ, умѣвшихъ читать,—эти образовали одинъ классъ; во второй поступили болѣе понятливыя; въ третьемъ остались маленькія, которыя писали на доскахъ палки и кружечки, и при томъ понемногу заучивали буквы. Къ октябрю мѣсяцу всѣ дѣвочки 2-го класса могли читать также хорошо какъ перваго; составляли слова проворнѣе, потому что, учившіяся по азамъ составленіемъ словъ очень затрудняются, и знали всѣ четыре правила ариѳметики на самыхъ маленькихъ числахъ. Въ настоящее время всѣ остальныя, поступившія при началѣ, знаютъ столько-же.

Увидавъ успѣхи нашихъ ученицъ, родители сами начали посылать своихъ дѣтей проситься въ школу. Наконецъ мы должны были согласиться принимать и мальчиковъ. Теперь у насъ около 50-ти человекъ. Мы не можемъ принимать болѣе, потому что помѣщеніе очень тѣсно.

Когда, прошлоу, осенью здоровье мое сдѣлалось такъ плохо, что я не могла ходить въ школу, и одна дѣвица тоже должна была отказаться отъ занятій, я рѣшилась сдѣлать преподавателями десятилѣтняго своего сына и девятилѣтнюю дочь, а потому присоединила къ нимъ еще двухъ самыхъ способныхъ дѣвочекъ. Растолковавъ дѣтямъ, что я, будучи не въ состояніи ходить въ школу, должна поручить ученіе дѣвицѣ Т. и дѣтямъ В., Ю., С., О., просила ихъ помнить, что они безъ меня должны быть еще послушнѣе и объявила, что непослушныхъ будутъ изъ школы присылать ко мнѣ. Въ продолженіи всей

зимы, ко мнѣ прислали тронхъ. Присланный самъ разказывалъ въ чемъ провинился и выслушивалъ отъ меня упрекъ: «какъ тебѣ не стыдно,» или «я отъ тебя этого не ожидала, смотри, вѣдь такъ и совсѣмъ изъ школы прогнать и т. п.» Другихъ наказаній у насъ нѣтъ.

Нынѣ школа въ такомъ порядкѣ: дѣвица Т. занимается со вновъ поступившими, у ней маленькая помощница О*; у С*. дѣти, которыя читають уже легкія слова и пишутъ ихъ на доскѣ; у Ю*. и В*. читающія маленькіе разказы, учащіяся писать на бумагѣ и ариѳметикѣ, упражняясь надъ маленькими числами; ко мнѣ приходятъ старшія, которыя учатся ариѳметики, пишутъ подъ диктовку, дѣлають грамматическій разборъ и пріучаются писать изъ головы. Обѣ маленькія помощницы, въ вознагражденіе за труды въ школѣ, учатся вмѣстѣ съ моими дѣтьми.

Въ тѣ дни, когда нѣтъ ученія, а только одни разговоры, дѣти пользуются большею свободой и иногда бесѣды бываютъ чрезвычайно шумныя, но въ классахъ требуются порядокъ, тишина и послушаніе. Они и сами понимаютъ, что если изъ короткаго времени, употребляемаго на ученіе, еще терять, то ничего не успѣешь сдѣлать. Уроковъ никакихъ не задается, но многія сами просятъ написать имъ задачи, которыя они могли бы дѣлать дома, или дать выучить стишокъ. Желающія научиться писать красиво, берутъ прописи на домъ. Книгъ всѣ просятъ, но, увы! въ нихъ большой недостатокъ.

Родители, сколько я могла замѣтить, мало вмѣшиваются въ ихъ школьныя занятія, не запрещаютъ ходить, но и не посылають въ школу. Случается, что ребенокъ не является нѣсколько дней; я спрашиваю только другихъ — не боленъ-ли онъ? и если получу въ отвѣтъ, что онъ здоровъ, не обращаю вниманія на его отсутствіе. Залѣнившійся является наконецъ и самъ разказываетъ почему не приходилъ. Дѣти подсмѣиваются надъ нимъ, разказываютъ что было пройдено въ его отсутствіе, поддразнивають, что ему теперь ихъ не догнать и дѣло кончается тѣмъ, что я скажу: «полно дѣти, благо вернулся.» Отсутствія такія случаются только лѣтѣмъ; зимою-же ни страшные морозы, ни разстояніе 4-хъ верстѣ, ни угова-

риваніе заботливыхъ матерей, ничто не мѣшаетъ явиться въ назначенный часъ.

Расходы по школь очень незначительны; считая все обзаведеніе—столы, доски, скамейки, грифеля, азбуки, прописи и отопленіе—въ годъ составило около 60-ти руб. сер.

Въ школь они пользуются всѣмъ бесплатно; желающія заниматься дома, покупають у меня всѣ классныя принадлежности по самой дешевой цѣнѣ. Сначала и въ этомъ было недобвѣріе со стороны родителей: они пробовали покупать сами въ городѣ, но скоро убѣдились, что выгоднѣе дать дѣтямъ денегъ на покупку желаемаго.

На дняхъ я была утѣшена тѣмъ, что всѣ фабричныя благодарили мужа моего за школу и, въ доказательство своей признательности, предложили ему всей фабрикой помочь на сѣнокосѣ.

— « Ребята стали совсѣмъ другія, говорятъ теперь всѣ, — въ праздникъ въ церковь идутъ, заранѣе разкажутъ какъ и что тамъ батюшка толковать будетъ; Евангеліе заставишь почитать, такъ растолкуютъ чего мы не понимаемъ; ну, а иной разъ разказываютъ такія чудеса, какихъ намъ и слышать не доводилось. »

Прошлую зиму 5 человекъ взрослыхъ (изъ нихъ двое женатыхъ) обратились ко мнѣ съ просьбою выучить ихъ ариѳметики и писать такъ, какъ пишутъ ребята, т. е. подъ диктовку. Предложить имъ ходить въ школу я считала безчеловѣчнымъ: и самолюбіе ихъ пострадало-бы слишкомъ жестоко, да и польза была бы невелика.

Въ среду и субботу вечеромъ я имѣла свободное время, которое могла пожертвовать имъ. Одинъ изъ большихъ учениковъ, убоясь премудрости, обратился вспять; четверо до сихъ поръ продолжаютъ брать уроки.

Въ правописаніи успѣхи взрослыхъ гораздо медленнѣе, въ ариѳметики, напротивъ, гораздо быстрѣе, нежели у дѣтей. Если бы обыкновенныя ихъ занятія не мѣшали имъ приходить постоянно два раза въ недѣлю и позволяли бы имъ заниматься и дома, то конечно успѣхи были бы гораздо удовлетворительнѣе.

Странно было мнѣ въ началѣ толковать этимъ взрослымъ людямъ самыя обыкновенныя выраженія и видѣть на ихъ лицахъ необыкновенное удовольствіе, если, послѣ долгихъ объясненій, мысль представлялась имъ ясною. Одинъ изъ этихъ учениковъ интересуется всѣмъ, пользуется всякимъ случаемъ спрашивать о незнакомыхъ ему предметахъ; другой, поставивъ себѣ цѣлью, во-что-бы то ни стало, выучиться ариѳметикѣ, занимается задачами съ ожесточеніемъ; третій учится не зная зачѣмъ: онъ нѣсколько глухъ, но не желая въ этомъ сознаться, избѣгаетъ разговоровъ, приходитъ рѣдко, хотя имѣетъ болѣе свободнаго времени чѣмъ прочіе; четвертый, молодой малый, не думающій о пользѣ, которую можетъ принести ему образованіе, учится потому, что это ему весело, но не любить трудиться. Первый, въ продолженіи зимы, дошелъ до дробей, дѣлаетъ грамматическій разборъ, не пишеть по три слова въ одно и можетъ написать самъ, что ему нужно; глуховатый отсталъ отъ всѣхъ; двое другихъ знаютъ четыре правила ариѳметики, но пишуть хуже перваго.

Двѣ взрослыя дѣвицы, изъявившія желаніе учиться, удовольствовались однимъ чтеніемъ. Въ продолженіи года выучились читать, всю зиму постоянно присутствовали въ тѣ дни, когда я съ старшими занималась разговорами и при разказахъ изъ Священной Исторіи. Какъ на дѣтяхъ, такъ и на взрослыхъ нельзя не замѣтить благотворнаго вліянія, которое производитъ чтеніе Святаго Евангелія. Многія дѣти съ удовольствіемъ учатъ наизусть горную проповѣдь и всѣ изреченія Спасителя, и эти то именно отличаются хорошими качествами: они перестали лгать, ругаться, напротивъ сдѣлались услужливы, привѣтливы и правдивы. Меня болѣе всего угѣшаетъ любовь дѣтей и полное ихъ довѣріе ко мнѣ, но и это мнѣ удалось пріобрѣсти посредствомъ разказовъ изъ Священной Исторіи и чтенія Евангелія.

А. А.

ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ ЭКЗАМЕНАХЪ.

Два года тому назадъ, меня пригласили давать уроки одной одиннадцатилѣтней дѣвочки.

Въ началѣ моихъ занятій съ нею, рѣдкій урокъ проходилъ безъ того, чтобы она не плакала. При каждомъ вопросѣ, на который она не могла отвѣтить, при рѣшеніи каждой трудной для нея задачи, слезы вдругъ покатаются изъ ея умныхъ сѣрыхъ глазъ, и видно, что эта маленькая головка работаетъ, ей поскорѣе хочется сформировать отвѣтъ, она ищетъ его, и быстро переходя отъ одной мысли къ другой, теряется въ ихъ хаосѣ. Я не зналъ что дѣлать, чтобы уроки обходились безъ слезъ, я очень хорошо сознавалъ, что ихъ слѣдствіемъ можетъ быть отвращеніе къ ученію, и наконецъ рѣшился попробовать, при первомъ же затрудненіи, — навести ее какъ можно ближе на отвѣтъ примѣромъ, сравненіемъ, или другимъ какимъ-нибудь путемъ, имѣя въ виду постепенно ослаблять эти наведенія и современемъ оставить ее работать одну.

Опытъ этотъ, казалось, далъ хорошіе результаты: нѣсколько уроковъ прошло безъ слезъ и моя ученица занималась съ большимъ одушевленіемъ и охотою. Но бѣда, если во время не успѣешь помочь ей, дашь покатаются слезамъ, — тогда и на самый простой вопросъ не получишь отвѣта; а предупреди ихъ, наведи на отвѣтъ, и оживится личико, заблестятъ глазки и съ какимъ-то наслажденіемъ звучнымъ сопрано начнетъ она передавать одну мысль за другою въ отвѣтъ на предложенный вопросъ.

Вскорѣ однакожь этотъ пріемъ я долженъ былъ оставить по просьбѣ самой ученицы.

Она начала меня просить не наводить ее больше на отвѣты и не помогать при рѣшеніи задачъ. «Это вѣдь вы дѣлаете изъ жалости ко мнѣ, чтобы я не плакала. Я и рада-бы не плакать, да удержатся не могу», сказала она мнѣ какъ-то послѣ урока.

Въ слѣдующій же за этимъ урокъ моя ученица, рѣшая какую-то ариѳметическую задачу и не зная какъ справиться съ нею, начала было уже теряться, глаза сдѣлались у нея болѣе обыкновеннаго влажны и слезы готовы были покатиться съ длинныхъ рѣсницъ. Но вдругъ въ ея лицѣ сдѣлалась какая-то перемѣна, она положила грифель на доску, подала ее мнѣ и сказала: «я не умѣю рѣшить этаго, — покажите мнѣ, что тутъ нужно дѣлать.»

Только теперь мнѣ стало совершенно понятно, что откровенное сознаніе своего незнанія гораздо сноснѣе для нея, чѣмъ разныя наведенія на отвѣты, которыя я дѣлалъ, какъ будто изъ жалости къ ней, какъ она думала; я понялъ, что при рѣшеніи всякаго вопроса, она хочетъ сначала поработать сама, безъ посторонней помощи, и тогда только помощь для нея дѣлается необходимою, когда она сознаетъ, что собственными силами тутъ ничего не сдѣлаетъ, а я, не замѣтивши этаго, часто оскорблялъ ея самолюбіе, ея желаніе самостоятельнаго труда и отнималъ у нея возможность пробовать свои силы.

Я помогъ ей при рѣшеніи задачи и съ этаго урока она замѣтно болѣе начала довѣрять мнѣ, какъ это и всегда бываетъ между людьми, когда откровенно высказанное сознаніе своего безсилія, въ какомъ-бы то ни было дѣлѣ, вызываетъ въ другомъ не глубокое презрѣніе или равнодушіе, а желаніе помочь по мѣрѣ силъ своихъ. Съ этаго урока ужъ не лились болѣе слезы при какомъ-нибудь затрудненіи, не портилось всегдашнее хорошее расположеніе ея духа.

Нынѣшнею весною ея роднымъ вздумалось устроить экзамень, и съ этою цѣлію они пригласили своего приходскаго священника и еще какого-то знакомаго. Экзамень начался тѣмъ, что священникъ спросилъ у экзаменующейся, знаетъ-ли она тропарь пасхальный?

По привычкѣ говорить мнѣ всегда откровенно — можетъ или нѣтъ отвѣчать на вопросъ, — моя ученица сказала, что такой молитвы не знаетъ. Она догадывалась, что молитва эта должна быть самая обыкновенная, — къ чему стануть спрашивать молитву рѣдко употребляемую въ обыденной жизни? — но какая именно эта молитва — вотъ чего она не знала. Она поняла, что такой отвѣтъ дастъ поводъ присутствующимъ тутъ постороннимъ людямъ счесть ея за незнающую самыхъ обыкновенныхъ вещей, и ея затронутое самолюбіе страдало сильно. При этомъ она вся покраснѣла, слезы навернулись у ней на глазахъ и начали крупными, частыми каплями скатываться на грудь; правая рука путалась въ складкахъ платья, отыскивая карманъ, чтобы вынуть платокъ отереть глаза. Прежнее испуганное выраженіе ея лица нисколько не измѣнилось при этомъ въ плачущее, и видно было, что она потому только и догадалась что слезы текутъ изъ ея глазъ, что почувствовала какія-то холодныя капли, скатывающіяся по щекамъ.

— Что это съ вами? О чемъ вы плачете? спросилъ священникъ, желая ободрить ея; но въ отвѣтъ на это еще крупнѣе и еще чаще покатались слезы изъ покраснѣвшихъ глазъ.

Не трудно было догадаться, что она на этотъ разъ не поняла вопроса, а чувствовала, что можетъ отвѣчать на него, если только поставить его въ болѣе простой формѣ, и потому я сказалъ ей, что молитва эта читается такъ: Христосъ воскресъ. Съ какой благодарностью взглянула она послѣ этаго на меня своими большими, полными слезъ, глазами, и какимъ недовольнымъ голосомъ, какъ будто въ укоръ за неловко поставленный вопросъ, прочла она эту молитву, обратясь къ священнику!

Послѣ этаго экзамень продолжался вяло; — слезы и разговоръ за нихъ, сдѣланный матерью, какъ-то дурно подѣйствовали на всѣхъ и въ особенности на экзаменуемую. Она во все время не могла оправиться отъ смущенія, и машинально и потому часто невпопадъ отвѣчала на другіе вопросы, какъ будто сердясь на привязчивость экзаменаторовъ и желая поскорѣе отъ нихъ отдѣлаться.

По поводу этаго экзамена я припомнилъ, какъ самъ экзамене-

новался изъ закона Божія, бывши въ первомъ классѣ уѣзднаго училища. Приѣхалъ ревизовать наше училище директоръ гимназіи и началъ экзаменовать учениковъ; дошла очередь и до меня. Какъ страшно было выходить къ экзаменатору, когда видишь, что ни на одномъ учителѣ нѣтъ лица, когда еще за нѣсколько недѣль до приѣзда директора каждому неотвѣтившему обѣщаны были жестокія наказанія.

«Сколько локтей въ длину имѣлъ ковчегъ Ноя?» спросилъ меня директоръ, предупреждая вопросъ законоучителя.

Слыша въ первый разъ такой вопросъ и чувствуя свое безсиліе отвѣчать на него, я до того испугался, что кровь прилила у меня къ головѣ, въ ушахъ зашумѣло, въ лицѣ почувствовалъ какой-то необыкновенный жаръ. Я растерялся и молча стоялъ, какъ вкопанный.

«Ну не знаешь что отвѣчать на этотъ вопросъ, такъ вотъ тебѣ другой.»

Какой былъ второй вопросъ я не слышалъ — такъ шумѣло въ ушахъ. И долго-бы я простоялъ на этомъ мѣстѣ, потерявши всякое сознание, если-бы штатный смотритель не подошелъ ко мнѣ и, дернувши за плечо, не сказалъ бы: садись ступай! Что-то будетъ за это — подумалъ я, когда оправился нѣсколько. Мнѣ казалось, что не отвѣтивши на какой-бы то ни было вопросъ директора, я сдѣлалъ такое важное преступленіе, за которое и самое тяжкое училищное наказаніе будетъ недостаточно; но на этотъ разъ дѣло обошлось для меня очень благополучно. «на такой вопросъ никто-бы не отвѣтилъ», сказалъ мнѣ послѣ экзамена законоучитель.

Не задай мнѣ директоръ такого страннаго вопроса, я изъ закона Божія выдержалъ бы экзамень хорошо, потому что, благодаря занятіямъ матери со мною по этому предмету, я зналъ его далеко обширнѣе, чѣмъ требуется въ первомъ классѣ уѣзднаго училища.

На другой день тотъ же директоръ вызвалъ меня экзаменовать изъ географіи.

«Разкажите о системѣ Коперника?» спросилъ меня учитель, за три недѣли до приѣзда директора объявившій всѣмъ учени-

камъ о чемъ будетъ спрашивать каждого на экзаменѣ. Какъ дьячекъ проговорилъ я цѣлую главу изъ географіи Арсеньева въ отвѣтъ на этотъ, заранее назначенный мнѣ вопросъ, совершенно не понимая ученія Коперника. Да и какая была возможность понять эту гипотезу, когда подъ руками былъ только непонятнымъ языкомъ написанный учебникъ, а со стороны учителя весь трудъ преподаванія ограничивался исключительно одними отмѣтками откуда и до которыхъ поръ выучить слово въ слово къ слѣдующему классу.

За отвѣтъ изъ географіи меня директоръ похвалилъ. А предупреди онъ вопросъ учителя, спроси о чемъ нибудь другомъ и, вѣроятно, я отвѣтилъ бы краснорѣчивымъ молчаніемъ.

Много случалось мнѣ слышать странныхъ вопросовъ, предлагаемыхъ экзаменаторами, но до самаго окончанія курса въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній, я не встрѣчалъ подобнаго тому, который предложилъ мнѣ директоръ въ первомъ классѣ уѣзднаго училища. На окончательномъ же экзаменѣ, какъ будто въ параллель съ моимъ первымъ дебютомъ на этомъ поприщѣ, одинъ изъ профессоровъ далъ мнѣ вопросъ такого содержанія: «какъ вещи, въ единичномъ и коллективномъ своемъ составѣ, фигурируютъ на аренѣ права?» Я не понялъ этого вопроса и попросилъ профессора поставить его въ болѣе простой формѣ. «Если вы не понимаете этаго, такъ нечего и толковать съ вами», сказалъ мнѣ на это профессоръ.

Бывши въ уѣздномъ училищѣ, гимназіи и высшемъ учебномъ заведеніи, я имѣлъ возможность замѣтить, что большая часть экзаменовъ, въ мое время ученія (особенно въ высшемъ учебномъ заведеніи), были не средствомъ оцѣнки знанія учащихся, а однимъ изъ лучшихъ случаевъ экзаменаторамъ показать свою власть надъ экзаменующимися и оказать покровительство своимъ кліентамъ. Въ мое, давно уже прошедшее время университетской жизни, на экзаменахъ, по большей части, получали хорошіе балы тѣ студенты, которые тайными путями умѣли пріобрѣсти расположеніе профессоровъ, или тѣ, которые постоянно посѣщали лекціи и записывали ихъ, съ единственною цѣлью быть замѣченными преподавателями, или тѣ, которые въ теченіи года бывали по нѣскольку разъ у каждого преподавателя

на дому, брали у нихъ книги и, въ большинствѣ случаевъ, не читая ихъ относили назадъ. Тѣ-же, которые не прибѣгали къ такимъ уловкамъ, а дѣйствительно занимались своимъ дѣломъ, часто и очень часто, на экзаменахъ испытывали на себѣ дѣйствія ничѣмъ неограниченнаго произвола экзаменаторовъ. Краснорѣчивѣ всего мое замѣчаніе подтверждаютъ тѣ факты, которые уцѣлѣли въ моей памяти и которые я намѣренъ сообщить.

Одинъ изъ моихъ товарищей, окончивая курсъ, экзаменовался изъ уголовного процесса, — профессоръ ставилъ ему 5. Эта отмѣтка такъ далеко не соответствовала знаніямъ, что экзаменуемому стало совѣстно передъ другими и онъ попросилъ профессора убавить балъ. «Это за ваши старыя заслуги», съ сознаниемъ своей непогрѣзительности отвѣчалъ профессоръ. За какія заслуги, — это извѣстно было всѣмъ товарищамъ, но только не за научныя. Другой студентъ при переходѣ изъ курса въ курсъ, ровно ничего не отвѣтивши по тому предмету, у преподавателя котораго онъ постоянно бралъ книги, долженъ былъ получить по большей мѣрѣ 2, но ему было поставлено 3. «Прибавьте еще хоть единицу», униженно просить экзаменующійся, и экзаменаторъ, ни слова не говоря поставилъ ему 4 — не за знанія, а, вѣроятно, за усердную перборку книгъ съ полокъ его библіотеки.

Часто случалось, что профессоръ, видя, что его кліентъ плохо отвѣчаетъ изъ какого-нибудь предмета, подходилъ къ экзаменатору и говорилъ: обратите вниманіе на этого господина: какъ онъ похудѣлъ, занимаясь науками! Онъ очень — очень много читалъ по моему предмету.» И экзаменаторъ ставилъ отмѣтку, соображаясь не съ отвѣтомъ, а съ рекомендаціею своего сослуживца.

— «Рекомендую вамъ моего товарища, сказалъ одинъ экзаменаторъ, обращаясь къ ассистенту, когда вышелъ экзаменоваться студентъ, постоянно записывавшій лекціи этого профессора, стоя около него на кафедрѣ.

— Какъ товарища? спросилъ ассистентъ.

— «Да, мы съ нимъ цѣлый годъ второму курсу читали лекціи», съ улыбкою отвѣтилъ экзаменаторъ. Нечего и гово-

ворить, что товарищ профессора получилъ пять, другіе же студенты за такіе же и даже лучшіе отвѣты получали по-три.

Одинъ студентъ вышелъ экзаменоваться, взялъ билетъ и началъ отвѣчать, не обращая никакого вниманія на то, что экзаменаторъ не слушалъ его, а разговаривалъ о чемъ-то съ своимъ ассистентомъ. Студентъ кончилъ свой отвѣтъ, и профессоръ прекратилъ разговоръ съ ассистентомъ.

— Ну-съ, что-же вы скажете? спросилъ экзаменаторъ.

— Да я ужъ все отвѣтилъ. Если прикажете, я начну сначала, отвѣчалъ студентъ.

— Нѣтъ-нѣтъ, зачѣмъ.... Если бы вы и на экзаменъ не пришли, я и то-бы поставилъ вамъ пять, — вѣдь вы всегда бывали у меня на лекціяхъ и записывали.

— «Мы съ вами давно знакомы», всегда говорилъ на экзаменѣ одинъ профессоръ студентамъ постоянно посѣщавшимъ его лекціи, и каждому изъ нихъ ставилъ пять, не обращая никакого вниманія на ихъ знанія.

Для тѣхъ-же, которые не такъ усердно ходили слушать его лекціи, читаемыя нѣсколько лѣтъ сряду безъ всякихъ перемѣнъ, и отлично знали все содержаніе ихъ по составленнымъ когда-то запискамъ, самымъ высшимъ баломъ было три.

— Я вѣдь пять-то ставлю только тѣмъ, которые бывали у меня на дому и брали изъ моей библіотеки книги, часто говорилъ одинъ профессоръ тѣмъ изъ студентовъ, которые своими отвѣтами доказывали короткое знакомство съ его предметомъ, но не бывали у него на дому, и ставилъ имъ четыре.

Я помню одного профессора, который имѣлъ обыкновеніе ставить отмѣтки на экзаменѣ нисколько не соображаясь съ отвѣтомъ экзаменующагося, а просто по вдохновенію. «Я вамъ для разнообразія четыре поставлю, часто говорилъ онъ, — а то вотъ видите въ спискѣ то все стоятъ одни пятерки.»

Съ какимъ стараніемъ, бывало, нѣкоторые профессора засыпали вопросами своихъ нелюбимцевъ съ цѣлю поставить дурную отмѣтку при первомъ-же ихъ затрудненіи въ отвѣтъ и какихъ только странныхъ вопросовъ не давалось при этомъ! Спрашивали, напримѣръ, по сколько примѣровъ выставлено въ сводѣ

законовъ на каждый видъ незаконнаго владѣнія; какіе именно акты пишутся на бумагѣ такого-то достоинства и требовали перечислить ихъ все; сколько городовъ въ Италіи было при Кесарѣ и какіе именно; сколько колоній было построено при второмъ триумвиратѣ и какія именно и т. д.

Сцены пренебреженія къ экзаменуемымъ повторялись довольно часто, я ограничусь описаніемъ только одной изъ нихъ. Вышелъ студентъ экзаменоваться, взялъ билетъ и началъ отвѣчать. Въ серединѣ отвѣта экзаменаторъ собралъ со стола билеты, положилъ ихъ вмѣстѣ съ спискомъ фамилій въ карманъ и пошелъ изъ аудиторіи.

— Да позвольте-же мнѣ кончить отвѣтъ,—сказалъ экзаменующійся.

— Нѣтъ, послѣ... приходите черезъ недѣлю. Мнѣ и такъ надоѣло экзаменоваться, а вы тутъ пристааете. Эй, Васька! обратился профессоръ къ другому экзаменатору, помѣтившемуся за сосѣднимъ столомъ,—брось экзаменоваться, пойдемъ лучше ко мнѣ... Какой наливкой я тебя угощу!

Были и такіе преподаватели, которые на экзаменѣ приходили въ восторгъ, если имъ удастся напасть на то, чего экзаменующійся не знаетъ. Сдѣлавши такое великое открытіе, и начнутъ они, бывало, приставать съ своими вопросами именно объ этомъ предметѣ.

— Гдѣ, по мнѣнію древнихъ, находилась душа? спросилъ кого-то на экзаменѣ преподаватель психологіи.

— Нѣкоторые говорили, что она находится въ крови, отвѣтилъ экзаменующійся.

Психологъ, замѣтивши изъ этого неточнаго отвѣта, что на этомъ пунктѣ можно потѣшиться, продолжалъ спрашивать:

— А по мнѣнію другихъ — гдѣ?

— Въ печени.

— А еще?

— Въ мозгу.

— А еще?

— Въ arbor'ѣ vit'ѣ.

— Еще?

— Въ желудкѣ.

— Еще?

Экзаменуящемуся надоѣло это подтруниваніе надъ его незнаніемъ и, чтобы разомъ покончить дѣло, онъ сказалъ:

— Въ большомъ пальцѣ лѣвой ноги.

Психологъ понялъ изъ этого отвѣта, что не каждый позволить посмѣяться надъ собою изъ-за лишняго бала, а есть и такіе, которые считаютъ гораздо лучшимъ получить хотя и дурную отмѣтку за свой отвѣтъ, да только бы не подвергаться этому подтруниванію, и съ этихъ поръ сталъ рѣже привязываться съ подобными вопросами.

Все это было нѣсколько лѣтъ тому назадъ; встрѣчаются ли подобные случаи теперь, — не знаю.

Для того, чтобы ограничить произволъ экзаменаторовъ назначали и теперь назначаютъ на каждый экзаменъ ассистента (*), но мѣра эта рѣшительно не достигала своей цѣли.

Ассистентомъ всегда бываетъ такой-же преподаватель, какъ и самъ экзаменаторъ, и понятно чью сторону онъ поддержитъ. Я не знаю ни одного примѣра, гдѣ бы ассистентъ, несмотря на всѣ придирки, а часто и самый грубый произволъ экзаменатора, вошелъ-бы въ свою роль, заступился за экзаменуящагося. Вообще они не любятъ вмѣшиваться въ дѣла экзаменатора (**), чтобы, въ свою очередь, и имъ не мѣшали экзаменовать по своему предмету, какъ имъ угодно, и отъ скуки, любители чтенія сидятъ на экзаменѣ за только-что полученнымъ номеромъ какой-нибудь газеты, любители рисованія, на первомъ-же попавшемъ лоскуткѣ бумаги, начинаютъ чертить премиленькія, одутловатыя рожицы съ кудрями, а поклонники музыки пишутъ какія нибудь гаммы. (Смотря по тому, что

(*) О деканахъ я ничего не говорю, потому что они, также какъ и ассистенты, сидятъ на экзаменѣ только для мебели.

(**) Я очень хорошо помню, когда я, окончивая курсъ, экзаменовался изъ одного предмета и молодой преподаватель-экзаменаторъ обратился къ своему ассистенту съ вопросомъ сколько мнѣ поставить, ассистентъ отвѣтилъ: „сколько хотите — вы преподаватель.“ Нѣтъ, однако — сколько ему поставить, повторилъ экзаменаторъ. „Сколько хотите, — вы преподаватель“, твердилъ ассистентъ.

дѣлаетъ ассистентъ на экзаменѣ, я всегда безошибочно узнавалъ къ чему каждый изъ нихъ имѣлъ страсть — къ чтенію, рисованію или музыкѣ.)

Я увѣренъ, что если бы за экзаменаторскимъ столомъ было мѣсто не однимъ ассистентамъ товарищамъ преподавателя, а каждому, кому нельзя отказать въ знаніи того предмета, по которому назначенъ экзаменъ, тогда было-бы меньше произвола со стороны экзаменаторовъ и экзамены болѣе бы достигали своей цѣли.

В. П.

Видея, что не удалось получить
нужного результата, я решил
попробовать еще раз. И вот
уже на третий раз мне удалось
получить то, что мне нужно.
Итак, теперь у меня есть
нужное количество материала.
Спасибо вам за помощь.

И. И.